

АБАЙ

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ**

АБАЙ КУНАНБАЕВ

ИЗБРАННЫЕ
СТИХИ

Переводы с казахского

неб

Петрозавловская
централизованная
библиотечная система

Алма-Ата
«Жазушы»
1985

ЖКаз 1
К 91

Составитель
доктор филологических наук
А. Л. Жовтис

Гравюра *К. Ходжикова*

Кунанбаев Абай.
К 91 Избранные стихи. Пер. с каз.
/Сост. А. Л. Жовтис.— Алма-Ата:
Жазушы, 1985.— 168 с., портр.

В книгу вошли русские переводы избранных
стихов классика казахской литературы.

К $\frac{47022301000-003}{402(05)-85}$ 164-84 Каз 1

© Составление, оформление, «Жазушы», 1985 г.

*В душу взглядишь глубже, сам собою побудь:
Я для тебя загадка, я и мой путь.
Знай, потомок, дорогу я для тебя открывал.
Против тысяч сражался — не обессудь!*

АБАЙ

С такими словами обратился Абай к будущему поколению. Такими сердечными строками говорил о грядущем поэт, прокладывавший тропу из мрачных веков минувшего к иному, светлому будущему. Он нес во мраке невежества, окутывавшем казахские степи, яркий факел поэзии, указывал своему народу новые горизонты, откуда взойдет его солнце.

МУХТАР АУЭЗОВ

* * *

Всадник с беркутом скачет в ранних снегах.
Будет зорок — добудет лису в горах.
Вот находка в пути: удобный наряд,
Конь хороший, да спутник, забывший страх,
Да лисы осторожной обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах.

У подножья горы — охотников сбор.
Всадник с беркутом скачет во весь опор.
Он сорвет клубочок у беркута с глаз —
Беркут крылья расправит, глядя в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдет лиса!»—
Так подумав, он взмлет к вершинам гор.

«Не спасет меня бегство»,— лиса поймет,
И замрет она вдруг и раскроет рот,
Заскрежест зубами и глянет вверх:
И она хочет жить, у нее — свой расчет!
Будет зрелище! Ловчий, нетерпелив,
Презирая опасность, летит вперед.

Помнит беркут: лиса — из мощных врагов
Сразу в дело пускает сорок клинков.
Но не вздумает медлить беркут-батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков.
Зашумит он крылами и полетит,
Устремится на землю из облаков.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Та — царица земли, тот — небесный царь.
Захотел человек — и эти цари
Бьются насмерть... А снег ослепительно бел.
Черен беркут, лисица красна... Смотри!

Эта битва с купаньем девы сходна,
В час, когда на локтях поднимает она
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом.
Эта битва тебе напомнить должна

Жениха и невесты первую ночь.
На постели им тесно... Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул ее под собой.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
И, гордясь победой над хитрой лисой,
Победители стать на отдых не прочь.

Скажут старшие, похвалив смельчака:
«Захвати в добычу три косяка!»

Ты доволен и рад. Страхнув малахай,
Ты кладешь за губу шепоть табака.
Сколько ягод в горах — пусть будет лисиц,
Чтоб охотника доля стала сладка.

Никакого не делаешь ты вреда,
Если ты приезжаешь на ловлю сюда.
В бренном мире нет мне занятия милей,
Я готов про охоту слушать всегда.
У кого пронизательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймет без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова.
Но возникнет картина в душе твоей,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.

1882

* * *

Белый лоб — серебро, чей тонок чекан,
Он глазами лучистыми осиян.
Тонко вычерчен двух бровей полукруг.
Облик юной луны красавице дан.

Нос ее — словно выточен на лице.
Кто расскажет, как цвет ее щек румян!
Ожерельем жемчужных ее зубов
Я люблюсь, от жгучих желаний пьян.

Смех журчащий ее — как дробь соловья.
В мудрой речи ее не гостит обман.
Шелк завидовать может шее такой.
Кто в ее подбородке сыщет изъян?

Как тонки очертанья точеных плеч!
Туг и свеж этих юных грудей шафран.
Безупречен налив этих двух плодов,
И маняще упруг тростниковый стан.

* *

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.

Ты и с виду неплох, и числом велик.
Почему же так обманчив твой лик?
Ты не хочешь добрым советам внимать,
Режет всех без разбора твой серп-язык.

Власть не можешь явить над своим добром.
Спишь тревожным сном и тревожишься днем.
То заносчив, а то с обидой глядишь,
Постоянен в непостоянстве одном.

Всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ.
Не надеюсь на исправленье твое,
Коль судьбу свою в руки народ не берет.

Родич с родичем спорят из-за пустяков.
Богом отнят их разум, удел их таков!
Ни единства, ни чести, везде разлад.
Стало меньше в степях табунов, косяков.

Из-за денег и власти кипит вражда.
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накопи этой не смоешь с себя,
В униженье, в страхе ты будешь всегда.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?
Если стойкости нет, если твердости нет,
Разве можешь ты быть доволен собой?
Если кто-либо верный укажет путь,
Ты его клеймишь неразумной хулой.

1886

* * *

Каждый за товаром едет на базар.
Там торгует медник, пекарь и гончар.
Вам по вкусу жемчуг, а другому — хлеб.
По душе найдется каждому товар.

Стар и млад стремятся утолить свой жар,
Каждого по средствам наделит базар.
Но не всем доступен жемчуг слов моих.
Труден смысл иному, будь он мудр и стар.

Многим не по сердцу мой словесный дар.
Но неужто жемчуг обратится в пар?
Пусть не всем по нраву то, что говорю,
Все ж охватит слово души, как пожар.

Вникни в смысл, читатель, будь ты млад иль стар.
И прими как должно мой смиренный дар.
«Жемчуг псу не нужен», — мудрость говорит.
Поговорку эту знает и школяр.

1886

Перевод Л. Шифферса

ЛЕТО

Летом, когда теннысты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва.
Вволю насытившись, кобылицы
Не в силах, кажется, пошевелиться:
Тихо стоят они у реки,
Хвостами мух отгоняя лениво.
Лишь весело скачут, резвы на диво
Жеребята и стригунки.
Гусей и уток крикливые стаи
То опускаются, то взлетают...
Смехом и криками оглашая
Степной простор далеко вокруг,
Женщины юрты ставят ловко.
Видны уверенность и сноровка
В плавных движениях их белых рук.

Бай, объехав свои отары,
Довольный скотом и самим собой,
На статном коне трусит домой
К закипающему самовару.
Хозяйка льет из сабы кумыс,
Уже домочадцы в кружок сошлись,
А мальчик, посланный батраками,
Вертится рядом, ластясь к маме,
Просит: «Мяса им тоже дай!»
В тени навеса готовят чай,
И в ожиданьи горячего чая,
На кошмах важно усевшись, бан
Ведут беседу между собой.
Пока один, не в меру болтливый,
Трещит не смолкая, другие учтиво
Кивают рассказчику головой.
Старец дряхлый в белой рубашке
Кричит чабанам: «Отгоните скот!»
Мечтает бедняга, что бай позовет
И угостит кумысом и барашком.
Табунщики на лошадях лихих,
В чапанах, поясом стянутых туго,
К аулу спешат, обгоняя друг друга,—
Усталыми кажутся лица их.
А группа юношей с ловчей птицей
На уток охотится и веселится.
Если выпущенный из рук
Стремительный беркут ввысь взовьется
И крупного селезня схватит вдруг...

Что было — прошло и уже не вернется
К бедняге, дряхлому старику.
Он сделал все на своем веку
И, праздно стоя на берегу,
В угоду юношам громко смеется

1886

Перевод *А. Жовтиса*

* * *

Бестолково учась, я жизнь прозевал.
Спохватился, да поздно. Вот он, привал!
Полузнайка — я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Я отсталых мечтал за собой вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я — один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки ныне в чести.

Прямодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз.

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глуби сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи,
То, что мы любовью и дружбой зовем,—
Лишь силок для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я жизни рассвет!

Дружба — дар миродержца, вечная связь,
Речи друга с души твоей смоят грязь.
Я взлелеял дружбу, но злобный глупец
Растоптал ее, надо мною глумясь.

Я ищу эту дружбу — нет никого.
Кровью сердца зову — повсюду мертво.
Я приятелей тьму обрел без труда,
Но любимого друга — ни одного!

1886

Перевод *А. Штейнберга*

* * *

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.

А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу,—
Такая песня миру не нужна.
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья,
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Ученые, чьи в полночь пылки споры, —
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блестать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу —
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые богом!

Бродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теща встречных
лестью,

На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвостун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой.
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвостун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота,
Затеяв драку: «Бей,— кричит,— врага!»—
Авось он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости и к чести люди глухи,
Не ищут знанья,— лишь в слепой возне.
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

1887

Перевод В. Звягинцевой

ОСЕНЬ

Тучи мрачно окутали весь небосвод —
Это осень в дождях и туманах ползет,
И застывшую землю, от стужи дрожа,
Кобылица напрасно копытом скребет.

Нет уж больше травы на просторе степей,
Смеха больше не слышно и гама детей,
А деревья, иссохшие, как старики,
Тянут к небу безлистые руки ветвей.

Уж дымится с овечьими шкурами чан —
Износилась одежда, весь в дырках чапан,
Чинят женщины юрту, заплаты кладут,
И старухи свой ткацкий наладили стан.

Журавли в теплый край вереницей летят,
Голодают верблюды и грустно глядят,
Приуныли аулы — куда ни пойдешь,
Не услышишь веселого смеха ребят.

Старики над остывшей поникли золой,
Молча слушают ветер, холодный и злой,
Рыщут по степи, ищут в норах мышей —
Дома косточки им не дадут ни одной.

И уже ни травинки вокруг не найти,
Пылью ветер заносит дороги в степи.
Будь ты проклят, обычай глухой старины,
Что мешает нам в юртах огонь развести!

1888

Перевод А. Гатова

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, в чем есть жизнь,

    с омраченным челом,
Он, скрипучий, идет, занесенный пургой.

Старый сват, белый дед натворил много бед,
От дыханья его — стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли — нахмуренный вид;
Головою тряхнет — скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюд,
И тогда шестискладная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щеки им злою рукой;
В чапане, в полушубке дубленом пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лед,
И голодный табун еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк, союзник зимы.
Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун.
Не проспав, не умрешь. Надо быть посмелей!
Все же лучше, чем волк, Кондыбай и Конай.
Деду мы не дадим пировать средь степей.

1888

Перевод *Вс. Рождественского*

* * *

На воде, как челнок, луна.
Тишина ясна, глубока.
Лишь в овраге полночь черна,
Да шумит в тишине река.

Вверху и внизу глубина.
Лунный свет в лепестках цветка.
Пробежит по деревьям волна —
И затих порыв ветерка.

С гор ответит эхо на лай
И на окрики пастухов.
Крадучись, минуты считай
И пугайся своих шагов.

Упадет листок невзначай —
Тебе уже чудится зов:
— Ах, скорее, милый, встречай
Здесь, в тени прибрежных кустов.

Горя, холодея, дрожа,
С немеющим сердцем в груди
Ты придешь без слов, не дыша,—
Ах, сколько тревог позади!

1888

Перевод А. Глобы

* * *

Да будет слово мудреца
Не достоянием глупца,
Чтоб светоч истины узреть —
Должны быть зрячими сердца!

Кто сердцем чист, чей светел ум,
Тем речь твоя — не праздный шум.
Они, полны огня и дум,
Постигнут правду до конца.

Тупа невежды голова,
И что ей мудрые слова?
Болтун — он устает, едва
Заслышит мудрого певца.

Ему мила лишь болтовня,
Он пристаёт к тебе три дня,
Но петь начни — чело склоня,
Глядит тупее, чем овца.

Он ищет, как дитя, утех,
Он развлечения ждет от всех,
Ему бы игры все да смех,
Звон шутовского бубенца.

Он всякой мысли чужд совсем.
Он ко всему и глух и нем,
За исключением поэм
Про девушку и храбреца.

Ты спел тому, в ком есть душа;
Он скажет — песня хороша!
И слушает, едва дыша,
Не спугав с золотом свинца.

Глупцы же смотрят, сторонясь:
Им только б сплетни, хитрость, грязь.
Им все равно что — бархат, бязь...
Ослу подай лишь клок сенца!

1889

Перевод П. Карабана

ВОСЬМИСТИШИЯ

Издали зовет,
От души идет,
    Заставляет нас трепетать;
Он всего острей,
Он всего быстрее,
Может к месту лань приковать.
Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!

Нет, игле стальной
Никакой ценой
    Не поспеть за узорами слов!
Сможет жемчуг-нить
Умный оценить,
    А дешевка — радость глупцов.

Помолчите, слова, сейчас,
Тугоухий не слышит вас!
У невежды есть —
Чванство, глупость, лесть

Да веселье беспечных дней.
Он всегда с толпой,
Так и льнет к тупой,
    Так и следует всюду за ней.
Если мысль слепа или мысли нет,
При себе ты оставь свой бред!

Вся душа в огне,
Холод по спине,
    Лишь увидишь глупцов, их ложь.
Трижды умным будь,
Укажуй им путь —
    Похвалы у них не найдешь.
Но бесстыдству верны и тут,
Не дослушав, они заснут.

Им бы козни вершить,
Им бы сплетнями жить,
    Пустозвон заодно с хитрецом.
Что благой совет!
В нем и смысла нет:
    Сын не хочет ладить с отцом.
Пусть без устали мелют уста,—
В голове одна пустота.

К счастью не придешь,
Измышляя ложь.
    Сплетни — промысел пустомель.

Чванство, хвастовство,
Пьянство, мотовство —
Вот их жизни беспутной цель.
Мысли ищущей глубина
Никому из них не нужна.

Ты сердечным будь,
Человечным будь
И трудись, не жалея сил.
Сплетни, болтовня,
Глупая брехня...
Ты такой сам себе посыл.
Коль упорны твои труды,
Попрошкой не будешь ты.

Ты пахать умей,
Торговать умей
И достаток дома блюди.
Будь, жена, верна,
Муж, трудись сполна,
И тогда — успех впереди.
Коль казах казаху не друг,
Будет жизнь постылой вокруг.

Защити свой скот,
Избегай забот.
Не давай себя унижать.
Сгинь, насилья ночи!
Властолюбье, прочь!

Да не смогут подняться опять!
Пусть проснутся совесть и честь.
Знай, в словах этих правда есть!

Коль ты слишком сыт,
Труд тобой забыт,—
Развращен такой человек.
Споря о пустом,
Другу став врагом,
Ты в ничтожестве кончишь век...
Клеветал ты, лгал, доносил.
А раскаяться хватит сил?

Кто учил тебя
Жить, разбой любя,
Кто твоим советчиком был?
Но придет имярек,
Честный человек,
Он остудит преступный пыл.
Заблужденья твои — как знать?—
Палачом твоим могут стать.

Нет, не плоть, а дух,
Как в огне, мой друг,
Голова моя тяжела.
На щеке слеза,
Горе жжет глаза,
И на душу тяжесть легла.
Где разврат, разгул и разбой,
Там беда берет власть над тобой.

Жизнь моя коротка,
А цель далека.

И силы мои сочтены.

Улетают дни —
Не вернуться они,

Мы в гордыне коснеть должны.
То, что прожито, — не вернуть,
Без запасов я вышел в путь.

Вижу: чести сын —
На сто сот один,

А правдивых ни одного.

Молодость ушла,
Голова бела,

В суете не познал ничего.
Зря потел средь клевет и зол,
В унижении жизнь провел.

Краснобай и лжец
И всезнайка-льстец,

От тщеславья все их труды.

Эти любят лезть,
Любят кверху лезть,

Униженьем народа горды.
Проклянут тебя и — пропал,
Позовут — в небеса попал.

Пусть народ пуглив,
Ну а ты чем живь,

Ты, пугавший родной народ?

Жаждой славы томим,
Ты следишь за ним —
    Что он делает, как живет.
Коль блудливая баба хитрит,
Жалок муж, что ее сторожит.

Что успеть ты смог,
Если сам одинок
    И шагаешь, растерян, с трудом?
Те, с кем дружен теперь,
Кому нужен, верь,
    От тебя отвернутся потом.
Чужеродный вор и хитрец
Одолеют тебя вконец.

Вся в крови голова,
Приподнялся едва,
    А угодничать снова спешишь.
Истомлен до костей,
Перед силой властей
    Ты опять, как всегда, лебезишь.
Где же совесть твоя — дай ответ.
В жизни этакой пользы нет.

Лишь собака брехнет,
Мальчик палкой взмахнет
    И погонится тут же за ней.
Люди хором стыдят,
На мальчишку кричат:

«Перестань! Собаку не бей!»
Устыдился. То же с тобой
И с постыдной твоей судьбой.

Кто пытлив — смелей
Мир познать сумей,
    Было б только желанье познать.
А невежда слепой
Занят только собой,
    Лишь поесть бы ему да поспать.
И не тот, и не этот я,
Все ж судьба незавидна моя.

Я знаний искал —
От скитаний устал,
    Я глядел и туда и сюда.
Но и там и тут
Ложь и лень цветут,
    Ведь невежды боятся труда.
Если хочешь погибнуть скорей,
Стань на палубы двух кораблей.

Я с утеса кричал,
Мне простор отвечал —
    Отвечали и горы и дол.
Но, услышав звук,
Я искал вокруг:
    Как, откуда тот звук пришел?
Был все тот же утес подо мной,—
Отклик есть, но отклик пустой.

Всадник вдаль поскакал,
Пешеход отстал.

    Кто признает тебя, кто поймет?
Боль в груди сильна,
И слеза солона,
    Пламя жаркое сушит рот.
Если весь я горю в огне,
Не рыдать не под силу мне.

Камнем мягкий пух
Обернулся вдруг:
    Так жестка постель — не уснуть.

Но галдит толпа,
Весела, слепа...

    Что б подумать — в чем жизни суть!
Хитрость, ложь осаждают нас
В трудный час, испытанья час.

Велика семья,
Широка родня,—
    Одиноким быть нет причин.

Велика семья,
Но не понят я,
    И живу среди людей один.

Как могила шамана, я
Одинок — вот правда моя!

1889

Перевод Л. Озерова

* * *

Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
Для чутких слухом, сердцем и душой,
Для молодых я свой рождаю стих.
Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
Поймет, что в каждый я влагаю стих.

Ко мне дорогой приходи прямой.
Все то, что скрыто, стих раскроет мой —
Не сразу ты воспримешь, может быть,
Слова такие слышишь ты впервой.
Как странно мне, что люди, не поняв,
Немедля речи требуют другой.

Али-азрету не слагаю гимн,
Красавиц с подбородком золотым
Я не пою; я к смерти не зову.
Не говорю джигитам молодым,
Чтоб совестью они пренебрегли,—
Прошу: прислушайтесь к словам моим!

Родятся из барымтачей лгуны,
Бездельники рождаются, болтуны.
Без разума, без дома, без скота;
Все знают их, и всем они видны.
Навек замолкни лучше ты, мой стих,
Когда тобой они восхищены.

Тебя молю, о песнопевец-брат,
Пускай слова пустые не прельстят
Твоей души. Что пользы в них тебе?
Твой дар исчезнет, не вернешь назад.
Что в людях доброго, скажи, таких,
Как бабник, и хвастун, и верхогляд?

1889

Перевод *Л. Бродского*

* * *

Острый разум чист, словно пласт ледяной.
В непослушливом сердце — кипучий зной.
Терпеливую мысль и пылкую страсть
В силах ты обуздать лишь волей одной.

Только тот, кто сердце и разум скует
Непреклонной волей,— достигнет высот.
Эти свойства не стоят врозь ни гроша,
И любое из них тебя не спасет.

Что без воли и страсти сила ума?
Неразумному сердцу — и в полдень тьма.
Разноречье троих сумей сочетать,
Этой мудрости учит нас жизнь сама!

1889

Перевод А. Штейнберга

* * *

Две дороги — любовь и страсть — предо мной.
Похоть властвует плотью моей земной.
Но тебя я люблю. Будь счастлива ты,
Хоть погибну я, сгину во мгле ночной!

Ты — мой разум! Ты волю мою взяла.
Без тебя в душе только мгла и зола.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же — всех милей и для всех ты мила!

Я — твой раб, любви! Истерзав и дразня,
Ты меня леденишь, сжигая меня.
Улетит надежда — и стынет душа.
Прилетит — и в сердце потоки огня.

1889

Перевод А. Штейнберга

* * *

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!
Когда тоскую по тебе —
Мне слезы затмевают свет.

Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет.
Одной тебе моя любовь,
Твой образ — он давно воспет.

И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;
Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;

И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет
Не смогут остудить во мне
Твоей красы горящей след.

На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,
Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих;

В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них
И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.

Тобой насытиться нельзя,—
Рукою по шелкам скользя,
Я замираю, потрясен,
И ты огнем пылаешь вся.

Мы вместе... Юрта нам мала...
Но ты не здесь, ты не пришла...
И все ж я — сокол, и тебя
Настигну, где б ты ни была.

В тебе — ни жадности, ни зла;
И горделива и смела.
Ты час от часу ближе мне,
Ты мне все более мила.

Приди, приблизь свиданья час,
О мой фазан, позволь хоть раз
Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

Перевод П. Шубина

* * *

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу,—
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я — словно масло на огне;
Они горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне —
Я буду счастлива вполне;
Уйдешь — несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови.
Не увлекай, чтоб унижать,
К себе в насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави —
Потухнет жар в моей крови;
Мне легче умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной,
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой.
Пойми слова мои, джигит,
Почувствуй сердцем и душой.

Пусть каждый — юный и седой —
Запомнит мой ответ простой
И сложит песню, и зажжет
Сердца джигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

1889

Перевод *П. Шубина*

* * *

Коса густая туго сплетена,
Идет, бряцая шолпами, она.
Видали вы красавицу такую,
Чья шапочка, как бровь ее, черна?

Глаза ее, как зеркала, блестят.
Волнует душу нежный этот взгляд.
Видали вы красавицу такую,
Чьи зубы — точно перлов белых ряд?

Какие ножки! Как легко идет!
Подобных мир не часто создает!..
Ее прелестный образ — предо мною:
Как яблочко она, как спелый плод!

К ее руке притронешься рукой,—
Забьется сердце, потеряв покой.
Лицо свое к ее лицу приблизишь,
Нальется тело сладкою тоской.

1889

Перевод Ю. Нейман

* * *

Где ж ты, пламя юности моей?
Не взволнуешь сердца почему?
Я постиг премудрость жизни сей,
Красоты ж не разгадать уму.

Зная цену хитроумью, лжи,
Не старайся слишком добрым быть.
Сердце силою вооружи,
Без усилий счастья не добыть.

Радостей любви не испытал,
Как поймете их значенье вы?
Если горе слишком тяжело — прав
Тот, кто не жалеет головы.

Друг тогда поистине хорош,
Если он с тобой в беде, в борьбе.
Если сам свой скот ты не пасешь,
Кто ж его пригонит вдруг к тебе?

Сам хозяин ты судьбы своей,
Труд — отрада, лень — жестокий бич.
Мало толку в пышности речей.
Если смысла знания не постичь.

Надобно запомнить это всем:
Кто живет без цели, без забот —
Под конец останется ни с чем.
В рот само ничто не упадет.

1889

Перевод В. Звягинцевой

* * *

Вовек моя душа не расцветет —
Пусть блещет солнце, пусть луна взойдет!
Тебя одну люблю я в целом свете,
А ты влюбленным потеряла счет.

Возлюбленной проделки я терплю.
Она изменит — я не разлюблю.
И если надо мной она смеется,
Молчать я сердцу страстному велю.
1889

Перевод *М. Замаховской*

* * *

Не продохнуть,
Полнит мне грудь
Горе и жжет, как огнем,
Зла не уйму,
И никому
Не рассказать мне о нем.

Чувствую стыд,
Робость долит.
Встретится ль кто из людей, –
Я, как дитя,
Взгляд опустя,
В бегство пускаюсь скорей.

Дух мой смущен,
Пища и сон
Сделались мне не нужны.
Как я изныл,
Нет во мне сил
Милой достичь тишины.

Сердце в огне.
Боже, где мне
Душу свою утолить?
Дай мне на путь
Верный свернуть!
Дай путеводную нить!

В ветре листвою,
Юной, живой,
Тополь шумит, стоголос.
Горем я пьян,
Мокр мой чапан
От набегающих слез.

Гордым я был,
Горе забыл,
Нынче на сердце недуг.
Тягостно мне:
То я в огне,
То леденею весь вдруг.

1890

Перевод *Д. Бродского*

* * *

Дорогой долгой жизнь водила.
Осталось лишь одно — могила.
Но мой язык еще мне друг,
Мои слова, что зной без мух,
Но слушатель мой слишком глух —
Судьба такими наделила!

И вот я дожил до седин,
Я плел слова — о том, об этом.
Но есть ли в мире хоть один,
Кто б внял моим благим советам?
Я шел путями бытия,
С невеждами боролся я,
И вот я вышел на вершину...
Так бег прерви и на лету
Не втискивайся в тесноту,
Свой шаг умерь наполовину!

Чтоб скорбь на плечи не легла,
Чтобы в тупик не завела,

Душа, должна ты встрепенуться,
И, как птенец, на свет взглянуть,
И крыльями легко взмахнуть,
И снова — ввысь и снова — в путь.
Тебе бы к небу дотянуться!
Как сердцу горе перенести?
В тяжелом сердце слов не счесть.
Пусть слушает, в ком сердце есть!
Душа все выплакать готова.
Уже печали вызрел плод,
Огонь в груди шумит, и вот —
Оно зашевелилось, слово.

Невежд — не счесть, а ты один,
Над ними ты не господин.
С бессовестными как общаться?
Их одолел зазнайства зуд,
И зло творят, и ложь несут.
И страх прошел: безмолвен суд,
Безумцам нечего бояться!

Глушцов к рукам прибрать?— Едва ль
Покинуть родину мне жаль,
Но душу гложет мне печаль
И тянет, тянет к высям горным.
Создатель был ко мне суров.
Всю жизнь терплю от подлецов,
Я одинок в дому отцов.
Так, значит, надо быть покорным!

Скорбь колышущимся огнем
Поднимается в сердце моем,
И умру я, оставив стихи
Лишь для тех, кто поймет их потом.

Кто несчастней меня живет?
Пусть услышит меня народ.
Кто нуждается в слове моем,
Тот пускай его и возьмет.

Что мне пользы, коль вызовет стих
Восхищение судей тупых?
Пусть уж лучше найдется один,
Кто поймет смысл мечтаний моих.

Много вас, но не каждый казах
Разобраться способен в стихах;
Ни познаний у вас, ни ума —
Вам волками бы рыскать в степях.

Не хотите вы сердца раскрыть,
Слухом стих вы привыкли ловить,
И лишь поверху ум ваш скользит...
Что ж впустую мне вам говорить!

1890

Перевод *Вс. Рождественского*

* * *

О любви, душа, молишь вновь,
Не унять смятенье твое —
Так желанна сердцу любовь,
Желанна отрава ее!

Вся тоска, вся горечь невзгод
Над огнем души не властна.
Лишь любовь — твой верный оплот,
Лишь с тобой угаснет она.

А того, кто жил не любя,
Человеком назвать нельзя,
Пусть ты наг и нищ — у тебя
Все же есть семья и друзья.

Довелось бы брести впотьмах,
Если б дружбы не вспыхнул свет.
Слава — тлен, и богатство — прах,
Если верного друга нет.

1890

Перевод *М. Петровых*

ВЕСНА

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Все живое обласкано солнцем степным,
Пестроцветным ковром зацветает земля.

И смеется, и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам ищи — не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всем толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовет,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встает,
Мотыльки — над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом приозерном пруду
Тронь осоку — лебедь пойдет в высоту.
Скачешь — смотришь, как спущенный сокол
ручной

Из-под облака лебедя бьет на лету.
Возвращаешься — девушка крикнет: «Постой,
Покажи, что добыл, молодой, холостой!»

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарей отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец:
Тяжек труд у крестьян — пахота и посев,
Но земля им сторицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы творца,
Если в мире всеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца,
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.

Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озерах по заводям — крик лебедей.

В полночь — яркие звезды, большая луна.
Как же им не гореть, если полночь темна?
Не померкнут они, лишь наступит заря,
Животворного, ясного света полна.

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звезд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой,
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой повитый закатом шатер золотой.

1890

Перевод П. Шубина

* * *

Погляди на молодежь—
В ней ты дружбы не найдешь.
Каждый в злобе и досаде
На другого точит нож.

И торгуют искони
Честью, совестью они.
Им трудиться нет охоты —
Время есть для болтовни.

В пустяках — он господин,
Интерес его один:
Как нажрется, словно боров,
Так и спину трет об тын.

Подлый смех в его глазах,
Злые шутки на устах,
Только хрюканье свиное
Слышится в его словах.

1891

Перевод *А. Арго*

* * *

Он не думает, не видит
Дальше носа своего.
А когда на люди выйдет,
Важничает,— отчего?
Слыша «неуч» не впервые,
Отвечает: «Перст судьбы!
Не равны ли все земные
У создателя рабы?»

Кто глаза души раскроет,
Истину увидит тот,
Солнце правды ум омоем,
Сердце счастьем расцветет,
А невежды душу злую
Ночи мгла заволочла,
Не живя, а существуя,
Он ушел в свои дела.

И мулла в чалме огромной
Вкривь толкует наш закон.

Жаден, слеп душою темной,—
С беркутом не схож ли он?
Если сердце без просвета,
Ждать добра — напрасный труд.
Но из всех, кто слышит, это
Лишь немногие поймут.

1891

Перевод *А. Гатова*

* * *

В ту пору юности огонь
Пылал в душе твоей кипучей,
И конь стремлений, быстрый конь,
Стрелюю нес тебя над кручей.

Была недолгою печаль,
Не трудным труд, не горьким горе;
Казалось, что любая даль
Тебе доступной будет вскоре.

Ты жил не жалкою мольбой,
А вдохновением и силой.
Не обольщался сам собой,
Но и не знал тоски унылой.

Без пустозвонства, не хвалясь,
Умел ты отразить удары,
Лицом не ударяя в грязь,
Был мужем, а не бабой старой.

Но юности не век цвести,
И пламя не пылает вечно.
Так своего не упусти
Ты в этой жизни быстротечной.

Не будь душою слишком прост.
Порой твой сверстник ликом светел.
Но прячет скорпиона хвост,
Которого ты не заметил.

На дружбу дружбой отвечай,
Будь справедливым при отщенье.
Раскаешься, хватив чрез край;
Преддверье правоты — терпенье.

На помощь честному приди —
Живут доверье с дружбой вместе;
А от бесчестного не жди
Хвалы и скудоумной лести.

Непостоянный лживый свет
Джигиту мнится вешним садом.
У юноши сомнений нет,—
На все глядит счастливым взглядом.

Чуть что приглянется — берет,
Не станет предаваться думам,
А зашумит о нем народ —
Он счастлив этим праздным шумом.

Он верит искренне всему
И слепо любит всех на свете,
Лукавая ж толпа ему
Не может фальшью не ответить..

О лжец, что ложью мир чернишь,
Лги мне — я старый, закаленный,
Но молодой не тронь камыш:
Он хрупок, он еще зеленый. ✓

Ведь чувства юноши чисты,
Тебе он верит в самом деле.
Ужели не стыдишься ты,
Когда он молвит: «Неужели?»

1891

Перевод В. Звягинцевой

* * *

На щеках у них лед и жар.
С сердцем, бьющимся сердцу в лад,
Уходя от людей чужих,
Лишь друг к другу они спешат.

Оба чувствуют ту же страсть
И не в силах с пути свернуть.
И в тенистый огромный сад
Их уводит короткий путь.

Осторожно оба идут,
В жарком сердце смиряя кровь,
И по легкому шагу знак
Подает им всегда любовь.

В холодеющих пальцах дрожь,
Дышат оба так тяжело.
Беспричинный какой-то страх
Заставляет бледнеть чело.

Чуть коснется плечо плеча —
Уж склоняется голова,
Губы ищут горячих губ
И пьянеют, забыв слова.

Рядом — дерево шелестит,
В небе — звезд золотой узор,
И, как звезды, дрожат они,
Отражая во взоре взор.

Так собою они полны,
Что весь мир, притаясь, молчит.
В сердце, слабое от любви,
Наслаждение льет лучи.

Тает сердце, побеждено,
И слабеют колена, и
Радость встречи заволокла
Взоры легкой слезой любви.

Где вы, мысли, и где слова?
Он уж близок — забвенья час.
Победительница-любовь
Обойдется сейчас без вас!

1891

Перевод *Вс. Рождественского*

* * *

Ты — зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть,
Столь глубок шрам от них.

И мудрец весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, среди живых
Не встречал я такой!»

Весь в слезах я брожу
И тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.

Не страшись, что в тиши
Говорю от души.
Иль самой невдомек!
Дивный день предреши.

Ты поймешь до конца,
Что палит нам сердца.
Взор твой скрыт, скромн вид,
Но горяч жар лица.

Холодна ты вполне
И к другим и ко мне.
Боль тая, слезы я
По твоей лью вине.

Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.
Лоб широк, взор глубок...
Ты лицо приоткрой!

Яркий рот — сладкий мед,
Блеск зубов — словно лед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.

Гибок стан и высок.
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть дотла сердце сжег
Взор, что чист и глубок.
Страсти раб, я ослаб,
От любви занемог.

Ты грустна — даль темна.
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна.

То гневна, то нежна...
Не пьяни допьяна!
Что мне дом без тебя,
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат —
Зоревой твой наряд.
Лишь взгляну на тебя,
Жаждой весь я объят.

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Знает млад, знает стар:
Красота — божий дар.
Нам пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены.
Сердцу ты, только ты,
Шлешь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены,
Все, как я, не нужны.
Сердца стон так звенит,
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнет —
Страсть сильней закипит.

Кто не смел — не джигит.
Злая страсть нас томит,
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

1891

Перевод *М. Петровых*

* * *

Ты, душа, терзаешь меня.
Ищешь всюду свою мечту.
Полно лгать, скитаясь, маня,—
Потолкуем начистоту!

Славой счастлив гордец: его
Хвалит ветренная толпа.
Но бессмысленно торжество,
Коль она в похвалах слепа.

Разве станет бесчестный хор
Славить праведных мудрецов?
Злые люди болтают вздор,
Слыша истины чистый зов.

Лесть грязнит и душу и рот,
Что испорченная вода.
Ты, правдивый сыскав народ,
Полюби его навсегда.

Здесь продажны слово и вздох.
Покупать их — и смысла нет!
И кружатся сердца пройдох
Кубарями, под звон монет.

Недостойно хвалой такой
Душу тешить и чуткий слух,
Как высокой страсти мужской
Пробавляться любовью шлюх.

Я гнушаюсь ласками их,
А правдивые — где найдешь?
Слишком много людей пустых;
Смерть залечит злобу и ложь.

То, что мы бытнем зовем,
Быстролетным скользит ручьем.
Сколько яду в прошлом твоём,
Все равно — в хорошем, в дурном!

1892

Перевод А. Штейнберга

* * *

Холод, жар... Молод, стар,—
Каждый знал страсти власть.
Но, родник дивных чар,
Без следа сгинет страсть.

Ясный свет юных лет,
Вера в жизнь и мечту,—
С чем сравнить вешний цвет,
Юных лет красоту!

То, гордясь, говоришь:
«Помню я счастья дни!»
То, стыдясь, говоришь:
«Что мне в них, где они!»

Эти дни для тебя —
Смутный сон, жалкий бред.
О былом, прожитом
Толковать смысла нет.

Слов живых не дано.
Ты весь век жил темно
И чужих слов живых
Не поймешь все равно.

1893

Перевод *М. Петровых*

Вот и осень моя подошла,—
Разве осень страшится преград?
Сердце майского хочет тепла,
Только май не воротись назад.

А у многих в душе вечный снег,—
Расцветет ли подснежник в снегу?
Лишь несущий огонь человек
Не собьется с дороги в пургу.

Никогда не пуститься в полет,
Устремляясь в простор голубой,
Тем, кто черной корыстью живет
И не знает заботы другой.

Их движенья полны суетой,
Хитрых мыслей полна их душа:
Заявиться к соседу на той,
Пировать, не истратив гроша.

Почему бы привольно не жить
Тем, кто век воровал, плутовал,
Ждал минуты — свалить, задушить,
Кто и хитрость свою продавал?

«Грусы» — лучше им клички не дашь.
Чем их подлый завет не хорош:
«Если совесть свою не продашь,
Так и счастье свое не найдешь»?

1894

Перевод Г. Пагирева

* * *

Я нашей молодежи огорчен.
Ее бесчестьем, спесью возмущен.
Она творить и править не способна.
Ловчилы и рвачи со всех сторон.

Зло их не огорчит, добро — не впрок,
Им не преграда — вера или бог,
Торгуют клятвой — только конь им нужен
И полный жирной пищи котелок.

К чему такой пригоден ветрогон?
В каких ремеслах преуспеет он?
Он норовит свой век прожить обманом,
В любом кругу доверия лишен.

Такой обманет здесь, надует там.
Его душа подобна лоскутам.
Пусть он клянется, душу продавая,—
Никто не верит плутовским словам.

1894

Перевод А. Гатова

* * *

Речь влюбленных не знает слов.
У любви язык таков:
Дрогнет бровь, чуть вспыхнут глаза —
Вопрос иль ответ готов.

Помню, так и я говорил,
И мне понятен он был,
Тот язык, но память сдала,
Теперь я его забыл.

1894

Перевод А. Глобы

* * *

Умерло детство — а ты не знал?
Дни радости растерял?
Прошла юность — не удержал?
Встречай же старость — не ждал?
Быть может, в жизни не раз
Непостоянным бывал?
Не раз себе изменял?
Быть может, несчастный, умрешь,
Как тот верблюжонок в хлеву,
Что хлева и не покидал?
1895

Перевод *А. Глобы*

* * *

Смертна природа. Человек же не умрет,
Хоть жить не будет и обратно не придет.
Разъединение со мной моей природы
Одни не всегда полный смертью назовет.

Превратность жизненная — многим тяжкий плен,
Мы плачем от ее ударов и измен.
Бессмертные слова ты оставляешь миру,—
Так можно ли сказать: «Ты превратишься
в тлен!»

Не увлекающийся жизнью своей
Текучесть мира постигает все ясней.
Не следуя душой за глубиною мысли,—
За мной, ушедшим, ты не проследишь путей.

Кто друг земному, тот иным мирам — чужой.
Несовместимы две души в душе одной.
Кто жаден к жизни, кто небытия боится,
Тот, знаю, верует не всей своей душой.

1895

Перевод А. Ромма

* * *

Магиш, родная, не плачь,
Будь в грозном горе сильна,
Иначе смертная боль
Отравит сердце до дна.
Увял твой алый цветок,
Душа от скорби темна.
Ах, рано ль, поздно ли — всем
Такая мука дана.
В разлуке с другом души
Одна ль ты? Нет, не одна.
Родная, нас пожалей —
И наша доля грустна.
Ты помни общий удел:
Рожденным — смерть суждена.
Велик ли ты, или мал,
Сравниет смерть имена.
Последний час наш пробьет —
И оглушит тишина.
Кто сможет смерть превозмочь!

Она над нами властна.
В повиновенье у ней
Весь мир на все времена.
Я знаю, знаю, Магиш,
Он светел был, как весна.
Но тщетны слезы твои,
Ты воскресить не вольна.
Час пробил, песнь замерла,
И вновь не дрогнет струна.
Где ж день, что нынче сиял?
И тень его не видна!
Каким на свете цветам
Краса надолго верна?
Изменчив он, этот мир,
Что озаряет луна!
Тоске покорный — погиб,
Темна ее глубина.
И ты слезами, Магиш,
Печали не утолишь.
Твой сокол к солнцу взлетел,
Ему земля не нужна.
Из всех детей моих, смерть,
Ты лучшего избрала.
О, тяжело мне, тяжело мне
Среди любимых моих!
Не плачь, Магиш, пощади
Отца и мать, и родных.
Судьбы нам не одолеть.
Будь сильной силой живых.

Душа страданьем пьяна.
Утрата столь велика.
Друг другу надо помочь.
Я стал бедней бедняка,
Меня сгибает тоска.
Опоры ищет рука,
А где она, где она?!
Лишь горечь сердцу близка.
Ему отрады не знать.
Мне наша скорбь тяжела.
Мой сын не встанет от сна.
Мне трудно стало с людьми.
Навеки я одиночек.
Магиш, родная, пойми!

1895

Перевод *М. Петровых*

ОПЛАКИВАНИЕ АБДРАХМАНА ЕГО ЖЕНОЙ МАГИШ

Создатель! Сколько горьких слез
Ты захотел мне ниспослать!
В младенчестве мне довелось
Оплакивать родную мать.

Огонь мне душу сжег дотла,
Мне этой боли не снести,
Я счастья столько лет ждала,
А ты пресек его пути.

Меня терпению ты учил,
А я еще так молода.
Теперь меня ты разлучил
С моим Абишем навсегда.

Увял красы моей цветок,
Сухой травой стала я.
Печали ты меня обрек.
Увы, вдовою стала я.

Мне только двадцать две весны,
А с милым я разлучена.
Нет, не были мне суждены
Безоблачные времена.

Огонь мою сжигает грудь,
Терпеть мучения невмочь,
Дней пролетевших не вернуть,
Печали горькой не помочь.

Души глубокой лишена,
Мечты высокой лишена,
Любви до срока лишена,
Быть одинокой я должна.

Не осушу отныне глаз.
Изражена душа моя:
Был не со мной он в смертный час,
С ним даже не простилась я.

Невысказанные слова
Теснят мне грудь. Я слезы лью.
Покуда я еще жива —
В слезах топлю тоску мою.

Творец! За что ты мне послал
Неизлечимую печаль?
Зачем туманом ты застлал
Земных дорог глухую даль?

Под черным покрывалом я
Бреду с поникшей головой.
У опустевшего жилия
Супруга след зарос травой.

Не передать мне вещей дум,
Которыми томился он,
Не описать высокий ум
И то, к чему стремился он.

С рожденья скромен, справедлив,
Был многодумен мой супруг.
Со всеми ровен, не кичлив —
Был так разумен верный друг.

Умчалось наше счастье прочь,
Пришел лихой беды черед.
На сердце скорбь сошла, как ночь,
И солнце больше не взойдет.

Все выплачу, все расскажу.
Пускай узнает целый свет,
Что я в глубокой тьме брожу,
Что солнца в мире больше нет.

Бежит река горячих слез.
Как мне ее остановить?
Ждала я счастья... Не пришлось
Гнезда в холодном мире свить.

Мы в мире только раз живем.
Зачем же стало так темно?
Жить с горькой долею вдвоем
Мне до могилы суждено.

Увы, я тщетно смерть зову,
Она не слышит, не идет,
Ужель не знает, что вдову
Отныне только горе ждет?!

Не вожделием томим
Мой дух, но нет душевных сил.
Ты дуновением одним
Надежды светоч погасил.

От смерти лишь спасенья жду,
Одна лишь смерть развеет тьму,—
Я исцеленья не найду
Мученью, горю моему.

Лечу с горы быстрее, быстрее,
Опору потеряв, лечу.
Погасла все в душе моей,
Нет места светлomu лучу.

Под черным солнцем я жила —
Так с детских лет мне суждено.
Мне с милым ночь была светла,
А нынче мне и днем темно.

Душой бескрылой ты взлетишь,
Не жду я завтрашнего дня.
Как сон явился мне Абиш,
Как сон покинул он меня.

Разлуки час немогогу,—
Как вечную мне пережить?
Чем мне заполнить пустоту?
Чем раны сердца залечить?

И вдалеке от мест родных
Он, словно солнце, грел меня,
С вершины чайный моих
Упала в бездну я, стена.

Все, что отрадой было мне,
Земной усладой было мне,
Зеленым садом было мне,—
Ушло... Жизнь адом стала мне.

Два года с ним мы жили врозь,
Два долгих года, полных тьмы!
И свыкнуться нам не пришлось,
И вот уж разлучились мы.

За что, за что, создатель мой,
Ты землю превращаешь в ад?
Не ты ль нас одарил мечтой?
Чем бедный смертный виноват?

Безрадостно на все гляжу,
Томит меня разлуки грусть,
Листком березовым дрожу,
Вот-вот и с веточки сорвусь.

Прощай навеки, радость дня,
Я утешенья не ищу.
Нет больше силы у меня,
Как жаворонок, трепещу.

В огонь метнусь — в огне сгорю,
А в воду — захлестнет вода,
Ничтожно то, что говорю,
Но велика моя беда.

1895

Перевод *В. Звягинцевой*

* * *

Не просто это — звук часов: «тик-так»,
То уходящих дней беспорный знак.
Прошла минута — стала жизнь короче,
И жизни бег не удержать никак!

«Тик-так»... Часы отсчитывают путь.
Часы напоминают: «Не забудь:
Проходит все. Необратимо время.
Прошедшее вовеки не вернуть!»

Хоть расшибись, а все же это — так!
Уносит жизнь привычный звук «тик-так».
Хоть все обманывать себя готовы,
Но втайне это понимает всяк.

Так день за днем, и так — за годом год,
И вот уж старость — у твоих ворот...
Не вечен, видно, век у человека,
И лишь Предвечный — верный наш оплот.
1896

Перевод Ю. Нейман

* * *

Птица мысли повсюду стремится крыла,
Если мысль человечья была смела.
Да вьется мелодия за строфой,
Как стелется тень за крылом орла!

Льется и реет песнь, паря,
Сердце баюкая, ум бодря...
Бренного мира вся сладость в ней,
Лишь тугоухий к ней влекся б зря!

Песнь и в спящее сердце влетит,
Все исцелует и истомит...
То счастьем, то грустью звенит напев,
То раны зажившие берedit.

Все ли то знают, кто песнь поют?
Все ли, кто слышат, ей дань воздают?
Страстной исполненная тоски,
В чем она сердце найдет приют?

* * *

Час ли тебе улыбнется такой:
Сердце в себя уходит,— и вот
Свет вдохновения, свет благой
Сизое облако чувств прорвет.

Многообразьем красот искрясь,
Все зажурчит, как горный ручей.
С сердца отмоется будней грязь,
И упадет пелена с очей.

Весь напряжется он, как тетива,
Воспрянет душа ото сна,— и вновь
Дети всеильной мысли — слова
Плоть обретут и жаркую кровь.

Стянет потуже поэт свой стан,
Вдаль посмотрит,— назад и вперед,—
Каждое слово, как талисман,
К мысли заветной он подберет.

Взглянет он зорче степного орла,
Струны раздумья в душе теребя.
Против невежества, против зла
Он обращает свой гнев, скорбя.

Люди слово его пронесут
Близким и дальним — из края в край.
Суд справедливости, разума суд,
Ты рассуди и ты покарай!

Сердца неистовство, жар ума,
А языка ядовитее — нет.
Что б ни писал,— то жизнь сама...
Как ни хулите, таков поэт!

1896

Перевод Л. Пеньковского

* * *

Тучи набегут порой,
Прольются серым дождем.
Набухнет сердце тоской,
Заплачут печали в нем.

Дождь прошел — ярче трава,
Смеется каждый ручей.
От слез — болит голова,
Тоска еще тяжелей.

1896

Перевод А. Глобы

* * *

Разным людям не верь, что тебя вознесут,—
Ведь они же коварно тебя предадут.
Верь себе! И опора и счастье твоё —
Это лишь неразлучные разум и труд.

Не пленийся доверчиво лстивой молвой,
Не гордись незаслуженною похвалою!
Сбитый с толку, ужели обману ты рад —
Если это не явь, мираж пред тобой?

Если горе придет, то спины не сгибай!
Если явится радость, достойно встречай!
Загляни в свое сердце, и там, в глубине,
Отыскав жемчуга, береги, не бросай!

1897

Перевод А. Гагова

ГАБИДУЛЛЕ

Подснежник, выглянув весной на свет,
Не знает — жизнь его долга иль нет.
Надеется, что будет выше дуба.
Он, солнцем пьян, теплом весны согрет.
Дохнула осень — и замерз он вмиг,
И ковыля он ростом не достиг.
Я тоже в юности мечтал о многом,
Недосягаемом для сил моих.
Иступлен мой булат. Лицо в морщинах,
И жара нет в крови, и голос тих.

1897

Перевод А. Гатова

* * *

Красивой песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон,
Люби их, как я,— от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И пламенем сердца я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней проникает жадным ртом,
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом?

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь,—
И все, что было мечте сродни,
Живую плотью одето вновь.

Вновь наполняет уши мои
Шорох давно отлетевших дней;
К мыслям былым влекусь в забыты,
Прошлое в сердце встает ясней.

И начинает земную лесть
Правдой считать душа моя.
Разве на свете отравы есть,
Какой бы не выпил до капли я?

1897

Перевод *Вс. Рождественского*

* * *

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния перед грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, огонь стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не щадил
И явил искусство свое.
Но по-прежнему спит народ,
И ничто его не проймет.

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Пусть он темен еще для них.

1890

Перевод *Вс. Рождественского*

* * *

Коль в сердце сил могучих нет,
Что нашу мысль вперед толкнет?
Коль ум не ведает, где свет,
То человек живет, как скот.

Когда от силы ум отстал,
Он только по верхам скользит;
Старик умен, но он устал,
Над ним привычка лишь царит.

Коль плоть свою смиришь сполна —
Тогда душе с тоски пропасть;
Уступишь плоти — и она
Захватит над душою власть.

Владеет жизнью даже скот,
Но он ума и чувств лишен;
Коль чувство в дали не влечет —
Зачем ты жизнью наделен?

Я человеком наречен —
Невеждой быть могу ли я?
Коль мой народ не просвещен —
К чему послужит жизнь моя?

1898

Перевод *А. Старостина*

* * *

День за днем чередой,—
Покоя тщетно искать.
За мыслью мысль чередой,—
И ветру их не догнать.

1898

Перевод А. Глобы

* * *

Все слабее и все глуше сердца бой,
Тесно сердцу день и ночь в груди больной.
Вдруг прихлынет кровь горячая к нему.
Сон тревожен в непроглядной тьме ночной.

Беззаботность смял недуг; не счесть утрат.
Мысль немую скорби тяжкие томят.
Пустобрехов скудоумных увидав,
С отвращеньем отворачиваю взгляд.

Жаждет сердце отошедших дней былых,
Настоящим шлет проклятье; то на миг
Пожелает вдруг спокойствия оно,
То, отчаясь, ищет вновь мучений злых.

То склонится вдруг к слезам, полно тоской,
О недугах помышляет день-деньской;
То их прячет глубоко на дне своем,
Страх питая пред насмешкою людской.

Все слабее и все глуше сердца стук,
Затаилось и скрывает свой недуг,—
То прихлынет кровь горячая к нему,
То, улегшись, на мгновенье смолкнет вдруг.

1898

Перевод *Д. Бродского*

* * *

Позабуду ли юность я?
В сердце жар, голова ясна,
Кто ни встретится — все друзья...
Беззаботные времена!

Все: веселье, любовь, стада —
Было общим для нас тогда.
Совесть чистая, свет надежд,—
С чем я эти сравню года?

О Аллах, так где же они —
Дни любви и веселья дни?
Удалились они — и вот
Не отыщешь следа, взгляни!

Умоляю, страдаю я,
Проклинаю, скучаю я,—
Не догонишь, ушли они,
И любовь ушла, и друзья...

Дай мне слезы — буду рыдать,
Дай терпение — буду ждать,
Пусть надежда лечит меня:
Не придет ли юность опять?

1899

Перевод С. Ботвинника

* * *

На сорок лоскутьев тоскою
Растрезано ты — каждым днем...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем!

Те — взяты землей, те — враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот — ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое,
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою!..
Мечты! Оглянись на них
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

1899

Перевод *М. Петровых*

* * *

Собаку я выкормил из щенка —
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка —
И сам мишенью стал!

1899

Перевод А. Жовтиса

ДУТБАЮ

Зачем улыбчивы уста,
Когда так злобен он?
Меняет меня, как цвета
В листве хамелеон.

Он надевал любой наряд,
Чтобы привлечь сердца.
Стал волостным — надменен взгляд
Сурового лица.

При первой встрече руки жмет,
И льстит, и лебезит,
Но отвернись — уже не тот,
Так подлостью разит!

Сегодня он тобой пленен,
Всею жертвует, любя.
Сегодня греет, завтра он
Испепелит тебя.

Плюет на все твои права,
Юлит, как бес, хитро.
Белы, как снег, его слова,
Черно, как грязь, нутро.

Здесь не лукавство и не страсть —
Смертельно болен он,
И от болезни той пропасть
Он сам же осужден!

1899

Перевод *П. Карабана*

* * *

Рос ты, к небу устремляясь головой,
Гордо, смело, без печали роковой.
Так весною к солнцу тянутся ростки,
Когда степи покрываются травой.

Отшумел давно суровых лет поток,
Наступил уже косьбы и жатвы срок.
Знало сердце зной и холод, но оно
Устояло пред лицом утрат, тревог.

От тревоги непрестанной ноет грудь,
На лице твоём — тоски и горя путь.
Как пшеницу, чьи колосья налились,
Замышляют и тебя к земле пригнуть

Не сдаётся обреченная душа,
Будто вечно жить ей в мире, но, спеша,
Смерть приходит, похищает душу вмиг.
Сам подумай ты — где жизнь и где душа?

Нынче — дышишь, завтра — прах,
— таков закон.
Нашей жизни блеск обманчив, словно сон.
Разве знаешь, где на завтра будешь ты?
Помни, друг мой, что для смерти ты рожден!

1899

Перевод *Д. Бродского*

* * *

Одинокое, не ищи,
Сердце, отклика на пути.
Мысль моя, задержись, молчи.
Коль пристанища не найти!

Чувство высказанное — ложь,
Безответен души призыв.
Так куда ж ты, сердце, влечешь,
От всего меня отлучив?

Счастье, дружба, любовь, покой,
Оценила вас жизнь в гроши;
Ими платят беде людской
Лицемерные торгаши.

Суд народа для них безмен,
Чтобы взвесить хулу и лесть,—
Мастера в ремесле измен,
Позабывшие стыд и честь!

С кем тоску свою разделить,
Если дружба не ко двору?
Чьим сочувствием утолить
Одиночество и хандру?

Всюду подлость одна и та ж:
Пожалеешь кого, а тот
Деньги станет клянчить; не дашь,—
На тебя же сердясь, уйдет.

Но войти продажным словам
В сердце искреннее невмочь.
Льстивый плут ни себе, ни вам —
Никому не может помочь.

Ты напрасным горишь огнем,
Горевая душа моя!
Это пламя — что толку в нем?
Где любовь твоя, где друзья?

1900

Перевод А. Штейнберга

* * *

Когда станет длинною тень
И закат прохладно багрян,
И, путь завершая, день
Шагнет за дальний курган,—

Запечалюсь я в тишине,
Овладеет вечер душой.
Вечерний сумрак в огне.
Жизнь — вся уже за спиной.

Тропа за спиной — жизнь твоя,
Тропа, по которой ты шел:
Беды прошла колея,
Прошло по ней горе — вол.

И топтал ее человек,
И не раз заносил песок...
Добывая, стяжай весь век,—
Жизнь спросит: «Какой в том прок?»

Мысль — щенок, забытый в степи.
Не найти кочевья ему.
Плохую память приспи,—
Вздых и досада к чему?

Средь пшеницы в поле — полынь.
Поле жизни мудро пройди.
Скажи печали: остынь!
Умри, как странник, в пути.

1900

Перевод А. Штейнберга

* * *

Я надеялся — листья надежды желты.
Я так долго мечтал — обманули мечты.
Сердцу тяжело, тревожно, когда вдалеке
Проступают тех дней миновавших черты.

То не жизнь позади, а несбывшийся сон!
Лучше б жил я, от светлой мечты отрешен.
Погляди на себя: есть ли сила в руках,
В сердце — жар, и лицо разрумьянил ли он?

Как миражам степным, людям верить нельзя.
Мир и правда чужды им: друг другу грозя,
Лгут, лукавят; заемные мысли у них.
Поступайте, как сердце велит вам, друзья!
1901

Перевод А. Глобы

* * *

Веселья легкая вода,
Пустая молодость — беда.
Ты лучше разумом попробуй
Познать, где дружба, где вражда.
Что славным у людей слывет,—
Тебя пускай не привлечет,
Не торопись, мой друг. Работа
Одна — предмет твоих забот.
Души богатство береги,
Всего, что дешево,— беги,
А скромность — истинный хозяин —
И душу не введет в долги.
Не будь доверчив к людям сплошь,
От зоркости ты не умрешь,
Не то и стариком согбенным
Где враг, где друг,— не разберешь.
Хапуга на объятъя скор.
Всегда он там, где шум и спор.
Мой друг, ты разве сам не видишь,
Что под конец он — нищий вор.
1901

Перевод А. Глобы

* * *

Твой язык богат,
И слова звучат,
Трогая людей.
Слыша речь других,
Ты поправишь их,
Скажешь — как верней.

И в отчаянье
Не впадет душа,
Горе пережив...
Верности ищущ!
Дружба хороша,
Если друг — правдив.

1901

Перевод А. Гагова

* * *

Мотыльки, чей светел наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но спугнет гроза, сад примят —
И они назад не летят.

Людям всем дана, всем подряд,
Череда удач и утрат,
Что всегда сомненьем томят
И скорей ответа хотят.

Время гонит всех — стар иль млад.
Бремя злых помех снять бы рад!
Жизнь — тоска и смех, блеск и чад.
Срок придет, и ты смертью взят.

1902

Перевод *М. Петровых*

* * *

Сердце — море, где радости — жемчуга.
Отбери их — и выцветут берега.
Если сердце сокровища лишено,
Оболочка пустая не дорога.

Сердце дружбой живет, живет и враждой.
Добродетель в уме находит устой.
Если ум добродетель твою хранит,
С каждым днем ты возносишься над средой.

Старый, гаснувший муж не сломит врага.
Проку нет от притухшего очага.
Всякий неуч совет вернуть норовит,
Если, ставшая хилой, скользит нога.
1902

Перевод *М. Тарловского*

* * *

Ангел молнии, Рагит,
Как стрела, к земле летит.
Опрокинутый на землю
Дождь ее животворит.
Молния бьет наповал.
Силу слов ты, друг, познал,
Если их, как молний, силу,
На себе ты испытал.
Мимо этих слов пройдет
Взяточник и обормот.
Нищенка-душа не примет
Огненных таких щедрот.
Примет молнии-слова,
Кто устал от плутовства.

Не пора ль к рукам прибрать
Болтунов всеильных рать?
Что за публика такая —
Только знают врать и врать.

1903

Перевод Л. Озерова

*Из стихов
последних лет*

* * *

Домбры не трогай рукой,
Дрогнувших струн не рви.
Не бейся, сердце, постой,
Слез к очам не зови...

А слезы бегут по щеке —
Старая скорбь жива.
Отяжелев, в тоске
Склоняется голова.

К тому, кто поник душой,
Чья боль живет взаперти,
Взор лучезарный свой,
Любимая, обрати!

Прошу тебя, погляди,
Молю, погаси костер:
Он ведь в большой груди
Тлеет с давнишних пор.

Развей, разгони беду,
Коснувшись нежной рукой,—
И к цели я пойду,
И чист и прям душой.

Но как устала она
В байге пестрящего дня!..
Я верю, что ты должна
Вывести меня!

Перевод *А. Жовтиса*

* * *

В раздумье долгом и немом,
В воспоминанях о былом,
Перебирал я день за днем,
Не оправдав себя ни в чем.
Куда мне скрыться от себя?
Мой каждый шаг был только злом.
Смогу ли обуздать себя?
Я подл, я виноват кругом.

Неисчислимы камни гор —
И счета нет грехам моим.
А стоит в сердце заглянуть —
Позор и срам глазам моим.
То не колодезная грязь —
Не вычерпать рукам моим,
Таким меня не создал бог —
Я страшен по делам моим.

Но в чем же я себя виню?
Я падок был на все, я тот,

Кто искренностью пренебрег
И расточил ее, как мот.
И слову разума внимал
И поступал наоборот.
Как жемчуг, хитрости и ложь
Нанизывал из года в год.

Чудовище, я потерял
Делам моим бесчестным счет.
Я жадно к подлости любой,
Как ворон, правил свой полет.
Пустую слыша похвалу,
Гордился ею, думал — вот
Надул я всех, и мастаком
Толпа за это назовет.

Перевод *А. Гагова*

АБАЙ КУНАНБАЕВ

(1845—1904)

В душу взглядись глубже,

сам собою побудь:

Я для тебя загадка, я и мой путь.

Знай, потомок, дорогу я для тебя открывал.

Против тысяч сражался — не обессудь!

А б а й

С такими словами обратился Абай к будущему поколению. Такими сердечными строками говорил о грядущем поэт, прокладывавший тропу из мрачных веков минувшего к иному, светлому будущему.

Он нес во мраке невежества, окутывавшем казахские степи, яркий факел поэзии, указывал своему народу новые горизонты, откуда взойдет его солнце.

Для своего века, для среды невежд он был загадкой. Но для нас он совершенно ясен — светило казахской литературы, солнце казахской поэзии. Ныне, когда казахский народ обрел свою настоящую родину, поэт обрел свой родной, просвещенный народ. Ныне Абай стал близок всем народам нашей великой социалистической родины.

«Не обессудь», — обращался Абай к потомку. Но советские потомки не судят, не винят поэта, а

чтут его память, чтут сердцами тысяч и миллионов.

Исполнилось сто девять лет со дня рождения поэта.¹ Прошло пятьдесят лет, как умер Абай. Но если путь поэта сливается с путем народа,— для него нет смерти.

* * *

Наша история, объективная и справедливая, воздаст должное памяти поэта, избравшего себе в удел тревоги и думы, борьбу и муки — судьбу, общую с судьбой своего народа.

Великий поэт казахского народа Абай родился в 1845 году в Чингисских горах Семипалатинской области, в кочевьях рода Тобыкты.

Отец Абая, самовластный, суровый степной правитель Кунанбай, был старшиной тобыктинского рода.

Ранние детские годы Абая прошли в гнетущей обстановке разлада, царившего внутри полигамной семьи (Кунанбай имел четырех жен). Этот уклад феодальной семьи влиял на психику, нравы и личную судьбу жен-соперниц и детей, соперничавших и враждовавших между собою, как и их матери. Но, к счастью для Абая, его родная мать Улжан была женщиной замечатель-

---

¹ Эта статья была написана М. Ауэзовым в 1954 г., к 50-летию со дня смерти Абая (ред.).

ных качеств. Ее природная гуманность, сдержанная рассудительность и исключительная любовь к сыну создавали для Абая редкий в таких семьях уют родного гнезда. Улжан всегда выделяла его из числа остальных своих детей, и имя его — Ибрагим, данное отцом, она заменила ласкательным Абай (осмотрительный, вдумчивый). Это имя так и осталось за ее сыном на всю его жизнь.]

Живя в молчаливой отчужденности от Кунанбая, [Абай и его мать нашли свою духовную опору в лице бабушки Зере. Многоопытная, мягкосердечная и мудрая женщина,] сама познавшая за долгую жизнь горечь бесправного положения жены, [перенесла все надежды и любовь на внука:] Заботы, наставления и ласки этих двух женщин резко отличались от всех поступков, привычек и установлений отца; они смягчали суровый холод жизни, в котором была обречена расти детская душа Абая.

[Дав мальчику первоначальное образование дома, у наемного муллы, Кунанбай послал затем Абая в медресе семипалатинского имама Ахмет-Ризы.

За пять лет учения в этом медресе прилежный и необычайно даровитый мальчик сумел получить многое.] Дни и ночи проводили великовозрастные воспитанники духовной школы в бессмысленном заучивании непонятого текста Корана, в пятикратной молитве, в изнуряющем посте и в

иссушающих рассудок бесплодных спорах над буквой шариата. Преодолевая премудрости арабского богословско-схоластического учения о догмах ислама, Абай в то же время расширяет круг своих интересов. Уже к этому времени им владела рано пробудившаяся любовь к поэзии. Она зародилась в нем еще тогда, когда он слушал рассказы и воспоминания бабушки Зере, хранительницы живой старины, когда он заучивал наизусть слышанные в ауле сказки, легенды, богатырские былины, исторические песни — все многообразное богатство творений акынов, певцов его родных степей. Позднее, попав в медресе, Абай стал увлекаться чтением восточных поэтов. Из удушливой атмосферы медресе, из среды богомольных буквоедов и темных фанатиков он, как к благодатному оазису из мрачной пустыни, рвется к народной и классической литературе Востока. Вместе с тягой к изучению восточных языков в нем пробуждается интерес и к русскому языку, к русской литературе. Нарушая суровый устав медресе, Абай самовольно стал посещать русскую школу, одновременно продолжая обучаться и в мусульманском духовном училище.

В школьные годы Абай не только изучал поэзию, но и сам начал писать стихи. Среди сохранившихся ранних стихов Абая встречаются лирические отрывки, послания, любовные стихи, написанные под влиянием восточной классической

поэзии, и одновременно — стихи-экспромты, созданные в стиле народной поэзии, в духе творчества акынов-импровизаторов того времени.

Вдумчивый юноша, старательный ученик и начинающий поэт, Абай мог бы извлечь много важного и полезного для своего будущего даже и в условиях скудной «науки» медресе. Но воля отца определила дальнейшую судьбу сына иначе.

В той непрерывной борьбе за власть над родом, которую вела степная знать, Кунанбай нажил себе много врагов среди соперников, и ему нужно было готовить к этой борьбе своих детей и близких родственников. Поэтому, не дав Абаю закончить учение в городе, отец вернул его в аул и начал постепенно приучать к разбирательству тяжёлых дел, к будущей административной деятельности главы рода.

Наделенный от природы недюжинными способностями юноша очень рано попал в самую гущу сложных интриг. Вращаясь в кругу изощренных вдохновителей межродовой степной борьбы, Абай постигает тончайшие приемы ведения словесных турниров, где оружием служило отточенное красноречие, остроумие и изворотливость. Так как тяжбы решались не царским судом, а на основе веками существовавшего обычного права казахов, Абай должен был обратиться к сокровищам казахской народно-речевой культуры. Еще в юношеском возрасте он заслуженно стяжал себе

славу красноречивого, остроумного оратора, сумев стать мастером виртуозной ораторской речи, и научился высоко ценить значение полновесного поэтического слова. Если Кунанбай и люди его круга обращались к авторитету своих предков — родовых старейшин — и хранили в памяти только их речи, приговоры и афоризмы, то Абай, наперекор отцу, тянувшийся к общению с народными певцами, знал почти всех своих предшественников — поэтов, акынов и участников айтысов, выступавших перед народом в борьбе за поэтическое первенство.

Рано пробудившийся интерес к классической поэзии Востока породил первые подражательные стихи Абая. Обращение к традиции казахской народной поэзии сделало его новые стихи оригинальными и индивидуально-самобытными. В этих стихах уже наметился будущий самостоятельный облик поэта, творчество которого глубокими корнями уходит в народную почву.

По свидетельству многих его современников, Абай начал сочинять стихи (в виде импровизаций и писем-посланий) очень рано, с двенадцатилетнего возраста. Однако творчество этого первого периода дошло до нас далеко не полностью. Вместе с небольшим количеством юношеских стихов поэта мы находим только ряд упоминаний об отдельных забытых и утерянных произведениях. Так, известны лишь начальные строки стихов, по-

священных любимой им девушке Тогжан. Только в устной прозаической передаче сохранился айт-ыс (песенное состязание) молодого Абая с девушкой-акыном Куандык. Слабое развитие письменности в тогдашнем Казахстане обусловило и отсутствие писем, мемуаров, записей современников, которые помогли бы сохранить юношеские стихи Абая и осветить его биографию. Немалое значение при этом имело и отношение к поэту вообще, характерное для феодально-байской среды того времени. Если народ с глубоким уважением относился к поэтическому творчеству и высоко чтил звание акына, то родовитые баи с самодвольной гордостью говорили: «Слава богу, из нашего племени не выходило ни одного баксы и акына». Этим презрительным отношением знати к профессии поэта объясняется то, что в родных аулах Абая не сохранилось ни его ранних произведений, ни даже рассказов о его поэтической деятельности ранней поры. И сам Абай, под влиянием таких взглядов на поэта, часто выдавал свои стихи того времени за стихи своих молодых друзей.

Втянутый насильно в тягостные дела родовых распрей, Абай не мог примириться с несправедливостью отца и часто шел вразрез интересам и стремлениям Кунанбая, вынося справедливые и беспристрастные решения по многим делам. Кунанбау были глубоко не по душе новые повадки

сына: и то, что друзей и советников Абай искал себе в народе, среди мудрых и честных людей, и то, что Абай уже многие годы тяготел к русской культуре. ¶ Между хитрым, властным отцом и правдивым непокорным сыном все чаще происходили серьезные споры и стычки, готовые со временем вылиться в прямой разрыв.

Этот разрыв и совершился окончательно, когда Абаю было двадцать восемь лет.

Теперь Абай мог определить дальнейшую свою деятельность по велениям собственного разума, своей воли. И прежде всего он вернулся к изучению русского языка, прерванному в детстве.

Новыми его друзьями стали акыны, певцы-импровизаторы, талантливая степная молодежь, по преимуществу незнатного рода, и лучшие представители русской интеллигенции того времени, с которыми он встречался в Семипалатинске. ¶ На тридцать пятом году жизни Абай вновь возвращается к поэзии. Но и стихи этого периода он все еще распространяет от имени своих молодых друзей. ¶ В течение десяти-двадцати лет Абай, уже зрелый и культурный человек, изучает народное поэтическое творчество, восточных поэтов и главным образом русскую классическую литературу. И только летом 1886 года, когда ему минуло уже сорок лет, Абай, написав прекрасное стихотворение «Лето», впервые решился поставить под ним

свое имя. Начиная с этого дня, все остальные двадцать лет его жизни прошли в необычайно содержательной, творческой поэтической деятельности.

В это же время, окончательно разочаровавшись в нравах и во всем моральном облике социально разлагавшейся феодально-родовой среды, Абай всеми силами стремится порвать с ней. В юности невольный участник бесконечных межродовых раздоров и распрей, разжигаемых правителями родов, Абай отчетливо увидел всю пагубность этой родовой борьбы, всю неимоверную ее тяжесть для народа, начал понимать истинный смысл этих раздоров, искусственно разжигаемых царизмом, проводившим свою политику по принципу «разделяй и властвуй». Управители, бии (родовые судьи) и старшины превращаются в его глазах в ставленников колонизаторской власти. Тяжко задумывается Абай над судьбами своего народа, терзается мыслями об участи темной, угнетаемой и бесправной народной массы. Стихи зрелых лет Абая выражают глубокую скорбь поэта о злосчастной доле отсталого народа.

Искренний поэт и верный сын своего народа, Абай ищет выхода для него. В первые же годы новой, зрелой, поэтической деятельности Абай пытается открыть народу глаза на причины его страданий. В правдивых, резких стихах он громогласно обличает и беспощадно бичует пороки фео-

дально-родовой чиновничьей знати, призывая народные массы к просвещению, которое одно может указать им путь в иной жизни.

В это время счастливый случай свел Абая с русскими ссыльными революционерами семидесятых — восьмидесятых годов. Это были представители русской интеллигенции, воспитанные в духе революционно-демократических идей Чернышевского и Добролюбова, Один из них, Е. П. Михаэлис, являлся ближайшим и активным сотрудником известного русского революционера-публициста Шелгунова и даже был связан с ним родством. Как Михаэлис, так и позднее сосланные в Семипалатинск Леонтьев и другие прибыли туда сравнительно молодыми людьми.

Знакомство Абая с этими людьми вскоре перешло в большую дружбу. На лето они выезжали в гости в аул Абая, зимой поддерживали с ним постоянную переписку. С исключительным вниманием и отзывчивостью русские друзья помогали самообразованию Абая, подбирая для него книги и отвечая на его вопросы.

В условиях ссылки они росли как публицисты и ученые-общественники, изучая быт, естественно-географические условия края, ставшего их новой родиной. Постепенно они становились первыми распространителями культуры в отсталой окраине, ревнителями интересов просвещения, преобразования жизни, быта, истории народов

края. В результате этой деятельности мы имеем много трудов по различным отраслям знания, написанных Михаэлисом, объемистое исследование Леонтьева «Обычное право у киргизов». Эти представители русской демократической интеллигенции придавали большое значение просветительской деятельности. Отличаясь от обычного круга степных, провинциальных чиновников из канцелярий губернаторов, уездных начальников хотя бы своей оппозицией царизму, они в той или иной степени считали просвещение важным средством борьбы с царизмом. Знакомить таких людей, как Абай, с наследием русских классиков и других передовых носителей русской культуры было, конечно, их ближайшей целью. Они это и делали повседневно.

Абай, в свою очередь, в сближении казахской и русской культур видел единственно верный путь спасения казахского народа от вековой тьмы.

Абай становится страстным почитателем Пушкина, Лермонтова, Крылова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого. С самого того памятного лета 1886 года — с начала своей открытой поэтической деятельности — Абай стал переводить на казахский язык произведения Крылова, Пушкина, Лермонтова, впервые делая их доступными и понятными для своего народа.]

Будучи не только поэтом, но и композитором,

глубоким знатоком и тонким ценителем казахской народной музыки, Абай создает ряд мелодий, главным образом для тех своих стихов, которые вводили в казахскую поэзию новые, не известные ей до этого формы (восьмистишия, шестистишия и т. д.) Он создал мелодии и к своим переводам отрывков из «Евгения Онегина». В 1887—1889 годах имя Пушкина и имена его героев, Онегина и Татьяны, пролетев над степями на крыльях этих песен, стали такими же родными для казахского народа, как имена казахских акынов и героев казахских эпических поэм.

К этому времени имя самого Абая — поэта, мыслителя и композитора — становится одним из самых популярных и чтимых народом. К нему идут акыны, композиторы, певцы из дальних районов.

Вокруг Абая группируются молодые таланты — поэты, певцы, такие, как Муха, Акылбай, Какитай, младший сын Абая Магавья. Некоторые из них по примеру самого Абая усиленно занимаются самообразованием, изучают русскую литературу, пишут поэмы исторические, романтические, бытовые. Популярность Абая привлекает к нему не только казахов, но и многих свободомыслящих людей Востока (по преимуществу татарскую молодежь), принужденных покинуть города из-за преследования властей, или репрессированных царским правительством пришельцев с Кавка-

за. Так, в ауле Абая месяцами гостили кавказцы, бежавшие из сибирской ссылки и пробиравшиеся по казахским степям к себе на родину. Аул Абая постепенно становился центром притяжения для прогрессивно настроенных, передовых людей того времени.

Длительная и прочная дружба Абая и ссыльных революционеров глубоко тревожила администрацию края. Сведения об Абае как об опасном для царизма человеке доходят до семипалатинского военного губернатора и до генерал-губернатора Степного края. За аулом Абая и за всем, что происходит там, устанавливается негласный надзор. Абай, как авторитетная в казахской степи личность и как опасный и смелый провозвестник правды, избличитель пороков существующего порядка, становится предметом постоянного и бдительного внимания приставов, урядников, волостных управителей.

Между тем культурная среда почитателей таланта Абая все увеличивается с каждым годом. Его влияние широко распространяется и на город. Поются, переписываются и заучиваются не только его собственные стихи, но и произведения его друзей. В форме устного сказа распространяются по степи романы западных и русских писателей, прочитанные Абаем и пересказанные им своим слушателям-сказочникам. Так проникли в степь в устной передаче популярные

среди абаевских слушателей «Три мушкетера», «Генрих Наваррский» Дюма, русский народный сказ о Петре Великом, романы из времен инквизиции, «Хромой бес» Лесажа (под названием «Хромой француз»). Со слов Абая пересказывались романы о пионерах-переселенцах американских прерий, поэмы Лермонтова, множество восточных поэм, как «Шах-Наме», «Лейли и Меджнун», «Кер-Оглы» и т. д. Распространению таких произведений способствовали, по примеру Абая, многие европейски образованные друзья его.

Сам поэт обучал своих детей в русских школах. Его дочь Гульбадан и сыновья Абдрахман и Магавья с малых лет были посланы им в город, в русскую школу. Впоследствии Абдрахман получил солидное образование, окончив Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, а дочь и другой сын, Магавья, вернулись в аул только из-за слабости здоровья. Однако и здесь Магавья становится одним из самых ревностных и старательных последователей своего отца.

И Магавья, и старший сын Абая Акылбай были поэтами. Лучшим произведением Магавьи считается написанная по совету Абая поэма «Мегдаг — Касым» — о борьбе раба с хозяином-плантатором, действие которой происходит на берегах Нила. Акылбай создал романтическую поэму «Дагестан».

Все эти произведения, как и произведения самого Абая, распространялись среди народа и в рукописях и, главным образом, в пересказе акынов-певцов. Так же доходили до широких масс слушателей произведения Пушкина и Лермонтова.

Разносторонняя поэтическая, просветительская и общественная деятельность Абая и его друзей всей силой своего воздействия была направлена против отсталых устоев феодального аула, против конкретных носителей этого зла — родовитых интриганов, невежественных угнетателей народа, против опирающейся на них всей системы царизма.

Труды и усилия Абая, его светлая и ясная общественная программа, ориентированная на русскую культуру, его презрение ко всем власть имущим вызвали по отношению к нему лютую ненависть степных феодалов, верных слуг царизма. Они повели непрерывную грязную и коварную борьбу против Абая, против идей, которые служили знаменем просвещенному и непримиримому поэту. Эти враги Абая действовали заодно с чиновничьей знатью, с властями, с продажной мелкочинувничьей интеллигенцией.

Однако эти темные силы боялись народной любви к Абаю и потому не могли действовать против него открыто. Они избрали самые коварные и вероломные методы борьбы. Один из

старейшин, непримиримый и злобный враг Абая — Оразбай, сплотил вокруг себя недовольных Абаем представителей степной и городской знати. Они стали преследовать абаевских друзей, клеветать на Абая и, наконец, в 1897 году, при явном попустительстве властей, организовали предательское покушение на его жизнь. Канцелярии губернаторов, уездных начальников, царских судов были завалены всевозможными доносами на Абая со стороны управителей и родовых старшин, которые называли Абая «врагом белого царя», «смутьяном народа», «неугомонным нарушителем обычаев, прав и установлений отцов и дедов». В результате этих доносов в аул Абая нагрянули с обысками чины семипалатинской полиции. Однажды явился сюда с целым отрядом жандармов и сам полицмейстер города Семипалатинска, учинивший обыск во всем ауле.

Неоднократно пытался убрать Абая и семипалатинский губернатор. Но, зная исключительную популярность поэта среди казахского народа, опасаясь возмущения масс, он вынужден был ограничиться только изоляцией Абая от его ссыльных друзей. Это прервало тесную связь их с Абаем. Всякую переписку поэта с его друзьями и читателями из отдельных районов власти контролировали или просто задерживали в своих ведомствах. †

Но все эти меры не смогли отгородить поэ-

та от народа. Непримирымый, прямолинейный и беспощадный обличитель управителей, биев, родовых старшин и всяческих властей, Абай стал мудрым советником народа во всех невзгодах и бедах. За разумными советами Абая, к его бескорыстному и справедливому суду в спорах начали обращаться целые племена и роды, и не только из ближайших районов. Даже казахи отдаленных уездов — Каркаралинского, Павлодарского, Усть-Каменогорского, Зайсанского и Лепсинского — приезжали к Абаю за разрешением их давних крупных споров по земельным и иным тяжёбым делам. Нередко к нему обращались и с просьбами решить сложные междуобластные дела о набегах, убийствах, в которых чины и власти не могли разобраться. Эти дела разбирались на особых многолюдных съездах, называемых «чрезвычайными съездами» по разбирательству тяжёбых дел между населением различных уездов: о возмещении убытков безвинно пострадавшим народным бедняцким массам; о наказании родовых правителей-феодалов, своими бесконечными интригами навлекавших на народ тяготы и бедствия.

Абай, ни в какой мере не являясь официальным лицом, порой должен был решать спорные дела как избранный третейский судья. Он брался за них только для того, чтобы избавить от раздоров и спасти от новых набегов

безвинные массы народа, чтобы заставить при-
смирить разжигателей этой борьбы.

Общественная деятельность и поэтические
творения Абая были особенно популярны среди
казахской молодежи. На многих народных сбор-
нищах, поминках, торжественных тоях (пирах),
на свадебных празднествах певцами и акынами
пелись его песни. Юноши объяснялись в своих
любовных чувствах строками стихов Абая. Де-
вушки из родных аулов Абая, выходя замуж,
увозили среди своего приданого рукописные
сборники стихов, поэм и наставлений Абая.

Но завистливая, коварная и невежественная
среда степных правителей не могла мириться с
той невиданной славой, которой народ окружил
имя ненавистного ей Абая, и они отравляли ему
и его друзьям дни труда и кипучей творческой
деятельности.

Дело доходило до самых безобразных, гряз-
ных выходов, глубоко ранивших сердце поэта.
Против Абая восстанавливали его племянников,
даже родного брата Такежана, клеветой и угро-
зами отталкивали от Абая его близких.

В этой мрачной атмосфере злобы и нена-
висти тяжелой и непоправимой утратой явилась
для Абая смерть его сына Абдрахмана, наслед-
ника дел его, образованного и талантливого че-
ловека. Страдавший туберкулезом еще в годы
учебы в Петербурге, Абдрахман недолго про-

служил в качестве поручика полевой артиллерии и скончался в городе Верном в 1895 году, двадцати семи лет от роду. Его смерти Абай посвятил много задушевных, печальных строк. В них же воплощены сердечные признания об угасших надеждах, о сокровенных думах печальника народа, хотевшего видеть надежного борца за народ в молодом человеке, воспитанном на лучших традициях русской народно-демократической, передовой общественной мысли. /Одинокий борец за правду, за счастливую жизнь народа, надломленной тягостной борьбой и горестной, трудной жизнью, преследуемый тупой, злобной толпой феодалов и чиновников, Абай терпит последний удар судьбы: умирает в чужотке другой его сын, талантливый поэт Магавья.

Раздавленный этим несчастьем и упавший духом, Абай, отвергнув всякое лечение своего недуга, умирает в родных степях на шестидесятом году своей жизни, пережив сына только на сорок дней.

Абай похоронен около своей зимовки — в долине Жидебай, вблизи Чингисских гор. /

Литературное наследие Абая в последнем издании на казахском языке составляет два объемистых тома. Сюда входят стихи, поэмы, беседы с читателем («Назидания») и многочисленные переводы. Это драгоценный результат многолетних дум, волнений и благородных душевных порывов поэта.

Три великих источника питают своими соками творчество мудрого поэта.

Один из них — древнеказахская культура, запечатленная в устных и письменных памятниках прошлого, созданных самим народом. Другой источник — это лучшие образцы восточной культуры: таджикская, азербайджанская, узбекская классическая поэзия. Это обращение к культуре соседних народов, которое мы наблюдаем с начала XIX века, было, несомненно, положительным явлением для казахской культуры. Третий источник — это русская, а через нее и мировая культура. Для эпохи Абая самое обращение к этому источнику — главным образом к наследию великих русских классиков, до него совершенно не известных казахскому народу, — явилось фактом огромного прогрессивного значения. Это двигало вперед казахскую культуру того времени и было залогом будущего ее расцвета.

Исключительная самобытность, большой талант Абая сказывались в том, что, обратившись к упомянутым трем источникам, он не исказил своего таланта ни фальшью, ни подражательностью. Абай, как художник большого дыхания, органически впитывает в себя новую культуру. Однако при этом он сохраняет полностью свою яркую индивидуальность художника и мыслителя.

Обратившись к этим культурам — далеким и не освоенным ее казахским народом, — Абай не только обогатился новыми средствами художественной выразительности. Он обогатил и свой духовный мир новыми идеями. Подобно Пушкину, Абай в самой сущности своего идейного и творческого богатства интернационален, но вместе с тем национален, и, бесспорно, народен.

Присмотримся ближе к влиянию трех названных нами основных источников творчества Абая. Эти струи часто находятся у него в органическом слиянии, во взаимопроникновении, что естественно для творчества зрелого мастера. Поэтому, касаясь различных этапов творчества Абая, мы можем говорить об этих элементах только как о преобладающих признаках.

Большинство стихов Абая, относящихся к восьмидесятым годам, посвящено своеобразному укладу и быту казахского аула и исторической

судьбе современного ему общества. Вместе с тем поэт производит глубокий художественно-критический пересмотр духовных ценностей своего народа и провозглашает свою новую поэтическую программу, проникнутую стремлением к преобразованию общества. В этих произведениях Абай близко соприкасается с народным наследием. Но именно здесь мы особенно ясно видим, как резко отличается его поэзия от народного творчества.

Поэт не воспроизводит речевой и поэтической культуры народного творчества в канонизированном, традиционном виде. И словарь, и образная система, и стилистические приемы устного творчества углублены Абаем, наполнены новыми мыслями и чувствами, характеризующими его мироощущение. Иные идеи, иные порывы духа запечатлены в его стихах. И прежде всего в них резко сказалось непримиримое отношение поэта к общественному укладу тогдашнего аула с его архаическими пережитками, с мракобесием и раздорами развращенной феодальной верхушки, с бедственным и безысходным положением трудящихся масс. Огромное количество стихов Абая, начиная с «Вот и старость...», «О казахи мои...», «Наконец, волостным я стал...», «Коль у тебя в чужом роду...», беспощадно бичует невежество, сутяжничество, взяточничество, паразитизм, духовную нищету вершителей судеб казахского на-

рода. Впервые в казахской литературе так отчетливо и на такой моральной высоте высказано новое отношение к семье, к родителскому долгу, к воспитанию молодого поколения и, главное, к женщине.

Безотрадная, злосчастная доля восточной женщины, изображенная в народных поэмах и бытовых песнях, приобретает в творчестве Абая новый смысл. В своей поэзии Абай раскрывает самую душу женщины и девушки, ее сокровенные мысли и чувства, о которых так мало было рассказано до него в поэмах и песнях, отражавших главным образом внешнюю сторону ее трагической судьбы. Абай показывает, как трогательна, искренна и глубока ее любовь, когда она сама выбирает себе возлюбленного, как сильна и непоколебима ее воля в борьбе за вырванное с таким трудом счастье. Абай воспевает казахскую женщину и мать как опору разумной семьи. Воспевает готовность ее к самопожертвованию, мудрость и стойкость ее в преданной дружбе, цельность ее прекрасной и верной души. Страстно отрицая позорный институт калыма, многоженства и порабощения, Абай в своих стихах борется за равноправие женщины в обществе.

Язвительно нападая на вековые устои старого аула, на косность, лень, Абай в то же время воспевает деятельную волю и любовь к труду как необходимые качества разумного и жизнеспособ-

ного человека. Со всей силой своих обличительных стихов он разрушает каноны господствовавшей до него дидактической, наставительной поэзии. В своей поэтической программе, выраженной в стихотворениях: «Не для забавы я слагаю стих...», «Поэзия — властитель языка...», «Если умер близкий...», он резко критикует носителей ханско-феодальной, реакционной идеологии живших до него акынов, называет их творчество «лоскутной поэзией», где нет ни слова о борьбе с вековой косностью и отсталостью. Он осуждает их за то, что они, не давая никакой духовной пищи новому поколению, вредят борьбе народа за преобразование общества. Сам же Абай провозглашает высокой целью, историческим призванием новой поэзии — служение народу, призыв ко всему новому, что должно перевоспитать, преобразовать общество. Только труд и борьба за свои права принесут независимость степной бедноте, только упорное стремление к знанию принесет лучшую жизнь подрастающему поколению. Этот призыв к просвещению выражен не в сухой проповеди. Вся система поэтического мышления и художественных образов Абая ориентирует казахское общество на русскую и через нее на мировую культуру, высмеивая схоластику и фанатизм мусульманских медресе, питомцы которых лишь углубляют невежество и усиливают бедственное положение аульных масс. В этих стихах

Абая произведена радикальная переоценка основ степного общества, дедовских традиций, обычных прав и общественной морали; жизненный путь человека определяют разумная воля, искренность, благородство чувств и полезная деятельность, а не тупое освоение обветшалых обычаев и традиций.

Одной из ярчайших черт всей деятельности Абая является его проповедь просвещения через сближение с русской и общечеловеческой культурой. Ни языковые, ни религиозные различия между народами, ни исторические дали, разделяющие народы на протяжении веков, не признаются Абаем за препятствия на пути прогрессивного роста своего народа. Учиться, учиться у всех народов, имеющих накопленную веками культуру! Во имя этой великой исторической задачи просвещения своей родной страны он объявляет беспощадную борьбу всем устоям прошлого, бичует всех носителей отсталой, отживающей свой век идеологии. Но он не щадит в своей стране и недоучившуюся молодежь, превращающуюся в чиновников, не щадит тунеядцев, сутяг и интриганов, отравляющих раздорами жизнь мирного трудового народа.

У Абая было свое, особое отношение к восточной поэзии, ко всей прошлой и современной ему культуре Ближнего Востока.

Еще в молодости сказалось на Абае влияние Востока. Он знал в оригинале (частично в переводе на так называемый чагатайский язык) весь арабо-персидский героический эпос и великих классиков Востока: Фирдоуси, Низами, Саади, Хафиза, Навои, Физули. Тогда он и сам подражал этим поэтам, впервые введя в казахский стих размер «аруз» и множество арабо-персидских слов, заимствованных из поэтической лексики этих классиков. Впоследствии, найдя в народном творчестве более жизненные и прочные основы искусства, Абай отобрал из восточной литературы народные творения — «Тысячу и одну ночь», персидские и тюркские народные сказки и народный эпос.

В поэтическом наследии Абая чувствуются лучшие традиции древневосточной классической поэзии. В песнях любви, в лирических раздумьях, в философско-моралистической поэме «Масгуд» видно несомненное влияние восточных классиков. Но это только внешние признаки. Новое идейно-художественное содержание, правдивость чувств, глубоко проникновенное ощущение жизни, конкретное, «земное» осознание мира вещей и

человеческих отношений у Абая бесспорно оригинальны и независимы от восточных образцов.

Абай прошел длительный путь самообразования, изучая русскую и западную культуру. Начав с Пушкина, Лермонтова, Крылова, он обращался и к литературе шестидесятых — восьмидесятых годов, причем любимыми его авторами стали не только поэты, но и великие русские прозаики — Лев Толстой, Салтыков-Щедрин. По русским переводам Абай узнал Гете, Байрона и других великих западно-европейских классиков. Он был достаточно знаком и с античной литературой.

Пользуясь лермонтовскими переводами, Абай перевел на казахский язык некоторые стихотворения Байрона и Гете.

По свидетельству ссыльных его друзей (Леонтьева и др.) Абай систематически занимался западной философией, в частности, философией Спенсера, Спинозы, интересовался учением Дарвина.

Творческий подход Абая к русской классике отличался новыми чертами в каждую новую пору его деятельности. Переводя Крылова, Абай порою изменял дидактическую часть, мораль басен, перерабатывая их в новые сентенции, применительно к представлениям и понятиям казахов. С огромной тщательностью и особой любовью перевел Абай стихи Лермонтова. Из них «Кинжал», «Выхожу один я на дорогу», «Дары Терека»,

«Парус», отрывки из «Демона» до сих пор остаются непревзойденными по мастерству среди переводов русских классиков на казахский язык.

Совсем особое отношение было у Абая к Пушкину. Переведенные им отрывки «Евгения Онегина» скорее не перевод, а вдохновенный пересказ пушкинского романа. Пораженный правдивостью и высокой поэтичностью образов Татьяны и Онегина, Абай пересказывал их историю подчеркнув поучительность цельного чувства любви и приблизив эту любовь к пониманию казахской молодежи. При этом Абай следовал законенной в восточной поэзии древней традиции «назира», в силу которой поэт по-новому раскрывает сюжет и темы своих предшественников. Так, мы знаем «перепевы» сюжетов «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», поэм об Искандере у поэтов таджикской, азербайджанской и узбекской старины. Сам Абай в плане такого перепева говорит в своей поэме «Искандер» об Искандере и Аристотеле, следуя в этом примеру азербайджанского классика Низами и узбекского — Навои. Эту манеру вольного поэтического пересказа великого наследия прошлого Абай применил и к «Евгению Онегину». При этом Абай не изменил образа Татьяны в тончайших проявлениях ее русской души. «Евгений Онегин» Пушкина в абаевской версии принял форму эпистолярного романа. Сложив мелодии на «письма-

объяснения» Татьяны и Онегина, Абай ввел в репертуар акынов чудесные излияния душ влюбленной пары и их имена стали настолько популярными, что эти письма-объяснения не только пелись, но порой их же словами начинались любовные послания и объяснения самой казахской молодежи.

Переводческая работа Абая, имевшая огромное значение для развития казахской литературы, показывает, однако, лишь непосредственную связь его с русской и европейской литературами. Глубокое же и органическое влияние этой культуры и художественных традиций надо искать в собственном творчестве Абая. Несомненным итогом благотворного влияния русской поэтической культуры было смелое обогащение Абаем казахской поэзии новыми формами (Абай ввел одиннадцать не существовавших до него стихотворных форм), новой тематикой, новым социальным содержанием. Это резко повысило качественный уровень казахской поэзии. Хотя Пушкина Абай переводил реже, чем других русских классиков, общение с великим поэтом глубоко и ярко сказывалось в собственном его творчестве: в нем очень много пушкинских черт — и в лирических раздумьях, и в описаниях природы с пушкинским реалистическим пейзажем, в проникновенном понимании любящего женского сердца, и в общечеловеческом звучании социальных мотивов.

Только глубокая внутренняя связь с пушкинской и мировой поэтической культурой дала Абаю возможность создать его песни о четырех временах года, его лирические стихи и поэтические размышления, его стихи о назначении поэта, поэму об Александре Македонском и Аристотеле.

В стихах о четырех временах года Абай дает казахский пейзаж и быт кочевого казахского аула. Но в восприятии природы, во взгляде на этот своеобразный бытовой уклад, в пронизывающем их поэтическом настроении сказывается новое качество мыслей и чувств поэта, до него небывалое в казахской литературе.

В стихотворении, посвященном поэту, Абай противопоставляет низменной и косной среде, окружающей поэта, его независимость, правдивость, гордость и взлет его вдохновенной мысли. Здесь Абай в своих взглядах перекликается с Пушкиным.

Замечательно также сходство мотивов в творчестве Абая и Салтыкова-Щедрина. Абай не писал художественной прозы, но в своих сатирических стихах, с убийственной меткостью осмеивающих степных управителей, чиновников, биев, родовых старейшин, Абай художественно и политически близок к Салтыкову-Щедрину. В одном из своих обращений к учащимся Абай называет имя Салтыкова-Щедрина как писателя, давшего верные портреты чиновников, угнетателей народа.

Не отдельными, случайными высказываниями, а всем содержанием своей поэзии Абай отрицает политический строй своего времени, и поэтому его одобрение и сочувствие русским классикам, выражавшим оппозицию правительству, сказались в беспощадном изобличении местных властей — представителей царского колониального аппарата.

Абай воспринял эстетические принципы Белинского и обратил всю силу своего дара на служение обществу. Он так же глубоко постиг основы мировоззрения Чернышевского и, следуя ему, не только воспроизводит всю неприглядную правду современной ему действительности, но и выносит беспощадный приговор этим уродливым явлениям казахской действительности своего времени.

Потому и ясно, что в дружбе Абая с последователями Белинского и Герцена и Чернышевского есть глубочайший смысл.

Абай оставил нам не только свою поэзию.

В его философско-критических и моралистических «Назиданиях» мы находим большое количество афоризмов. Мудрые и лаконичные, эти афоризмы давно уже вошли в обиход казахского литературного языка. Трудно назвать жанр, к которому можно было бы отнести «Назидания». Здесь и философско-моралистические, и общественно-публицистические, и изобличительно-сати-

рические высказывания поэта. Нося в целом характер то мирной, то иронически-желчной, то глубоко грустной, даже удрученной беседы со своим читателем, эти «слова» прежде всего отличаются исключительно тщательной стилистической отделанностью. Если это рассуждения — то рассуждения поэта, высказанные мастерским, выразительным, образным языком. Адресованные порою к слушателю-собеседнику непосредственно, они иногда носят форму прямого и изустного обращения к нему с глазу на глаз. И тут Абай становится часто гневным судьей или печальником народа, и в таких случаях часто его «слова» превращаются в скорбную исповедь человека, обреченного на одиночество в мрачный век господства беспросветной тьмы.

В ту пору, когда сочинения поэта распространялись еще в рукописных списках, его «Назидания» входили в каждую новую книгу. Особенно зачитывались ими люди старшего поколения, которые украшали свою речь вставками из «Назиданий», подолгу толкуя о смысле и поучительных выводах этих рассуждений. Видимо, и сам поэт, понимая большую доступность прозаической формы высказываний своих разнообразных, острых и глубоких мыслей и заранее зная круг читателей этого вида его творчества, нередко старается говорить их языком, пользуется их моральными оценками. В этих случаях он и ссы-

лается иногда на моралистические догмы ислама. При этом апологетику ислама он истолковывает в духе идеалистической морали.

Абай был также талантливым и оригинальным композитором. Помимо многих стихов, посвященных песне и музыке, Абай создал около двух десятков мелодий. Такой же новатор в музыке, как и в поэзии, Абай вложил в свои мелодии новое содержание и создал стиль, отличный от существовавших до него народных мелодий. И здесь проявилась вся многогранность творческой натуры Абая.

* * *

Поклонник критического разума, просвещенный и пламенный борец за культуру, трагический одиночка в мрачной среде ханжей, стяжателей, косных седобородых старшин-феодалов, Абай был выдающейся фигурой не только в истории своего народа но и в истории всего Ближнего Востока. Он шел вперед своим путем сквозь мрак и косность эпохи.

Нашему поколению Абай с его бессмертными творениями, впоенными соками народной казахской и русской классической поэзии, представляется явлением поразительным. Горным теннстым кедром высится он в истории своего народа. Он взял все лучшее от многовековой культуры ка-

захского народа и обогатил эти сокровища богатворным влиянием русской культуры.

Своим обращением к великому наследию духовной культуры русского народа Абай возглавил самое прогрессивное движение в истории общественной мысли своего народа. Одним из первых просвещенных деятелей казахского народа он последовательно разрушал все преграды, мешавшие скорейшему приобщению казахского общества к передовой русской культуре. Тем самым он способствовал слиянию русского и казахского народов в общей борьбе за светлое будущее против реакционного строя, разобщавшего эти народы. Потому так дорого имя Абая и потому так свежо, по-современному, звучали стихи поэта на фронте в среде казахов, защитников Родины, в годы Великой Отечественной войны скрепивших кровью братское содружество народов великого Советского Союза.

В этом высшее свидетельство неувядаемой славы Абая как подлинного основоположника новой казахской культуры, сияющей вершины казахской классической поэзии.

МУХТАР АУЭЗОВ

СОДЕРЖАНИЕ

«Всадник с беркутом скачет в ранних снегах...»	6*
«Белый лоб — серебро, чей тонок чекан...»	9
«Чей же цвет не увял от ранних страстей...»	11
«О казахи мои! Мой бедный народ!..»	12
«Каждый за товаром едет на базар...»	14
Лето	15
«Бестолково учась, я жизнь прозевал...»	18*
«Поэзия — властитель языка...»	20
Осень	23
Зима	25
«На воде, как челнок, луна...»	27*
«Да будет слово мудреца...»	29
Восьмистишия	31
/ «Не для забавы я слагаю стих...»	39
«Острый разум чист, словно пласт ледяной...»	41
✓ «Две дороги — любовь и страсть — предомной...»	42
/ «Шлю, тонкобровая, привет!..»	43
«Своим письмом к себе маня...»	45
«Коса густая туго сплетена...»	48*
/ «Где ж ты, пламя юности моей?..»	49
«Вовек моя душа не расцветет...»	51
«Не продохнуть...»	52
«Дорогой долгой жизнь водила...»	54
«Всем пресытиться может душа...»	57*
✓ «О любви, душа, молишь вновь...»	59
Весна	60*
✓ «Погляди на молодежь...»	64
«Он не думает, не видит...»	65

½	«В ту пору юности огонь...»	67
✓	«На щеках у них лед и жар...»	70
	«Ты — зрачок глаз моих...»	72
✓	«Ты, душа, терзасшь меня...»	76
	«Холод, жар... Молод, стар...»	78
	«Вот и осень моя подошла...»	80
✓	«Я нашей молодежью озорчен...»	82
	«Речь влюбленных не знает слов...»	83
	«Умерло детство — а ты не знал?...»	84
	«Смертна природа. Человек же не умрет...»	85
	«Магиш, родная, не плачь...»	86
	Оплакивание Абдрахмана его женой Магиш	89
	«Не просто это — звук часов: «тик-так»...»	95*
	«Птица мысли повсюду стремится к крылу...»	96
	«Час ли тебе улыбнется такой...»	98
	«Тучи набегут порой...»	100
	«Разным людям не верь, что тебя вознесут...»	101
	Габидулле	102
	«Красивой песней под струнный звон...»	103*
	«О порыв души огневой...»	105
	«Коль в сердце сил могучих нет...»	106
	«День за днем чередой...»	108
✓	«Все слабее и все глуше сердца бой...»	109
✓	«Позабуду ли юность я?...»	111
	«На сорок лоскутьев тоскою...»	112
	«Собаку я выкормил из щенка...»	113
	Дутбаю	114
	«Рос ты, к небу устремляясь головой...»	116
	«Одинокое, не ищи...»	118
	«Когда станет длинною тень...»	120
	«Я надеялся — листья надежды желты...»	122
	«Веселья легкая вода...»	123
	«Твой язык богат...»	124
	«Мотыльки, чей светел наряд...»	125
	«Сердце — море, где радости — жемчуга...»	126
	«Ангел молнии, Рагит...»	127

Из стихов последних лет

«Домбры не трогай рукой...»	128
«В раздумье долгом и немом...»	130
<i>М. Ауэзов. Абай Кунанбаев</i>	132

Абай Кунанбаев

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

(Перевод с казахского)

Редактор *Р. Аросланова*

Художник *Б. Маширапов*

Художественный редактор *Н. Нурмуханбетов*

Технические редакторы *Л. Карханова,*

Н. Сайфуллина

Корректоры *Л. Хван, Ж. Абдельдинова*

ИБ 2589

Сдано в набор 13.09.84. Подписано в печать 03.04.85. Формат 60×84¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л.

4,9. Усл. кр.-отт. 5,0. Уч.-изд. л. 4,6. Тираж

10 000 экз. Заказ № 1221. Цена 60 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.